

КЛУБ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

ЯНИНА ЗАБЕЛИНА

**КНИГА
ПОКОЙНИКА**

Клуб классического детектива

Янина Забелина

Книга покойника

ИД «Флюид ФриФлай»

2019

УДК 821.111-312.А
ББК 84(0)-9-44я43

Забелина Я. К.

Книга покойника / Я. К. Забелина — ИД «Флюид ФриФлай»,
2019 — (Клуб классического детектива)

ISBN 978-5-907220-03-4

Это роман о богатом библиофиле с наклонностями незабвенного Шерлока Холмса Гарольде Графе. С одной стороны тайна – уникальная подборка пьес Шекспира с пометками случайного владельца и смятые кусочки бумаги с чьими-то каракулями, с другой – таинственное убийство. И только Гарольду Графу и его помощникам – секретарю и «правой руке» Стефану Галлеру – под силу раскрыть загадку и вычислить преступника!.. Как утверждает автор: «Берн и его окрестности – наилучшие в Европе декорации для классического детектива».

УДК 821.111-312.А

ББК 84(0)-9-44я43

ISBN 978-5-907220-03-4

© Забелина Я. К., 2019

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Содержание

Предисловие	8
Часть 1	11
Глава 1	12
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	45
Глава 7	49
Глава 8	55
Глава 9	61
Глава 10	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Янина Забелина

Книга покойника

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019
© Забелина Я, 2019

Предисловие

История создания этой книги весьма необычна. Году в 2003-м я, отправившись по заданию журнала-работодателя в пресс-тур по Швейцарии, в удивительно красивом городе Тун, что на берегу одноименного озера, познакомилась с симпатичной старушкой. Мы с ней одновременно метнулись к единственному пустому столику на террасе кафе на двухэтажной улице Хауптгассе со своими чашечками кофе. Опознав друг в друге неисправимых интровертов, обменялись смущенными улыбками, а потом, глоток за глотком, завели беседу на языке, который обе считали английским. В какой-то момент госпожа Юлия – так представилась старушка – поинтересовалась, откуда я родом и чем занимаюсь. И, услышав, что занятие мое – журналистика, а постоянное место жительства – Россия, ужасно обрадовалась. А потом попросила оказать ей услугу. «Что ж, бабушка милая, ухоженная, вряд ли станет просить деньги. И на шпионку не похожа», – подумала я и согласилась. Госпожа Юлия объяснила, что ей необходимо сходить за «объектом просьбы» домой, но вернется она очень скоро. Я снова согласилась и предалась созерцанию живописных домиков, толп туристов, бродивших внизу, по улице, и горных вершин. Старушка появилась примерно через полчаса со здоровенным пакетом, содержащим две старинного вида папки, наполненные писчей бумагой, рукописями! – и поведала следующую историю. Ее отец, родившийся на территории Российской империи еще до начала XX века и покинувший в возрасте четырнадцати лет родное Вильно, добрался до Швейцарии и сумел на ее земле добиться известности (в узких кругах химиков и военных инженеров), достатка, а заодно обзавестись многочисленным семейством. Однако незадолго до кончины, в 1967 году, сей достойный господин решил выразить свое уважение человеку, благодаря которому жизнь его сложилась так удачно, а заодно и реализовать юношескую мечту – стать писателем. Старик подготовил тексты, снабдил их предисловием и взял с госпожи Юлии, в то время юной барышни, слово, что все это непременно увидит свет. Потом в жизнь Юлии ворвался некий летчик, последовал скоротечный брак, затем следующий... В общем, немало воды утекло с момента кончины уроженца Вильно, прежде чем моя собеседница нашла время и силы, чтобы выполнить завет отца. Но заглянув в папки, госпожа Юлия пришла в ужас – рукопись оказалась на старорусском, которого она не знала. Искать переводчика, наборщика, редактора...

Старушка так горестно ломала руки, описывая свою беспутную юность, так живо путая английские, немецкие, французские и итальянские слова, свою привязанность к отцу... И в результате уговорила меня. В аэропорт я явилась с тяжеленным чемоданом, добрую половину которого занимали упомянутые папки.

Потом прошло еще несколько лет – рукописи швейцарского гражданина мирно пылились на шкафу. Но и в моей жизни настал момент, когда я вспомнила о своих неисполненных обещаниях, а затем и об этих папках. И заглянула туда. Действительно, текст, которого хватило бы на три или четыре полновесных романа, оказался на русском языке с вкраплением немецких и еще каких-то неидентифицируемых слов. Повествование оказалось связным, иногда очень интересным, однако изобиловало лакунами и нестыковками. А предисловие автора, к моему ужасу, было изложено на превосходном немецком! Но когда мне его перевели, я решила, что выполнить просьбу Стефана Галлера – так именовал себя уроженец Вильно, но, видит бог, неизвестно, какой на самом деле была его фамилия, – все-таки стоит. Что я, с помощью фантазии восполнив недостающее и приведя текст в удобочитаемое для современников состояние, и делаю.

ОТ АВТОРА

Дорогой мой, уважаемый господин читатель!

Будучи в весьма преклонных годах, я решил подвести итоги своей весьма удачной жизни: за нищей безродной юностью последовали известность, увлекательнейшие исследования и достаток. Однако одна моя мечта так и осталась нереализованной – когда-то я надеялся зарабатывать исключительно литературным трудом и снискать славу создателя гениальных остросюжетных романов. И, дорогой мой читатель, я не только надеялся, я еще и много и усердно трудился! А вот теперь, удобно устроившись за рабочим столом в кабинете на собственной вилле с видом на Женевское озеро, я вспомнил о своих ранних опытах писательства и решил одним махом не только заявить о себе, но принести дань уважения человеку, благодаря которому я стал уважаемым гражданином прекрасной Швейцарии. Итак, его звали Гарольд Граф.

Что этот умнейший из известных мне людей, библиофил и аристократ до мозга кости нашел в тощем мальчишке-посыльном сомнительного происхождения? Разве лишь потенциал.

Мы познакомились в Женеве, где я занимался тем, что днем подносил к поезду чужие чемоданы, а вечерами бродил по букинистическим магазинам в надежде если не купить книги по интересовавшим меня естественным наукам, то хотя бы почитать их возле полки. В одном из таких магазинов господин Граф приветствовал меня фразой: «Никогда еще не видел посыльного из гостиницы, интересующегося физикой! Как тебя зовут, молодой человек?» – а потом забрал с собой в Берн. Там, в прекрасном родовом доме моего благодетеля, я, постепенно овладевая занимавшими меня науками – языками мне пришлось овладеть за годы странствий по Европе, – стал его верным помощником. И летописцем. В те времена мне хотелось превзойти сэра Конана Дойла – себя я воображал доктором Уотсоном, а господина Графа, занимавшегося, кстати сказать, именно расследованиями, связанными с печатными и рукописными текстами, – Шерлоком Холмсом...

Писания свои я завершил с окончанием великой войны, которая теперь именуется Первой мировой, поскольку за ней последовало не в пример более разрушительное бедствие – Вторая мировая война, но рукописи берег. И ныне, решив подготовить их к изданию, пересмотрел и остановился на наиболее поздних, созданных как раз в военные годы. Исключив пару-тройку повествований о делах и событиях, которые и по сей день не подлежат огласке, я, с изумлением отметив, что лучшие всего мне давались сюжеты, которые я реконструировал по рассказам непосредственных участников и самого господина Графа, остановился на тех, что сейчас ожидают твоего внимания, уважаемый читатель.

Напоследок, поскольку со времен Первой мировой прошло изрядно времени, и воспоминания о ней скрылись под напором более свежих и более жутких впечатлений относительно недавнего прошлого, напомню, какой же была Швейцария в ту пору.

В начале 1914 года жизнь в Швейцарии была динамичной и многообещающей: по пыльным, еще не мощным дорогам ездили немецкие, французские и даже швейцарские автомобили, работали первые телефонные линии, хотя во время разговоров в трубке вечно что-то шумело, между плотно населенными кварталами, радостно позванивая, бегали трамваи. Стремительно развивалось многообразное производство,

создавались молодые семьи. Но потом началась война, породившая страх и неуверенность в будущем.

2 августа 1914 года – напомним, эрцгерцог Франц Фердинанд был убит в Сараево 28 июня, а через месяц Австро-Венгрия объявила войну Сербии, – Швейцарская конфедерация объявила о начале проведения всеобщей мобилизации. Днем позже было официально объявлено, что Швейцария останется в этой войне нейтральной, но все равно под ружье были поставлены все годные к службе по состоянию здоровья мужчины в возрасте от 20 до 48 лет. Одним из первых на фронт отправился и автор этих строк – мне довелось дослужиться до сержанта артиллерии, получить контузию в одной из редких стычек и волю покормить окопных вшей.

Страну охватила волна патриотизма, однако во франкофонных кантонах жители сочувствовали Франции, а в германоговорящих – поддерживали Германию и самого кайзера Вильгельма, который двумя годами ранее, в 1912-м, с триумфом посетил Берн – я сам его видел, а господин Граф принимал участие в обеспечении безопасности высокого гостя. Да и политики разделились во мнениях и приложили немало усилий, пытаясь втянуть страну в войну на той или другой стороне. К счастью, здравый смысл у облеченных властью людей возобладал. Иначе все сложилось бы куда печальнее, но и так было не слишком здорово: мужчины поднялись на защиту границ, женщины встали за швейные машинки – шили для них униформу, готовили бинты, щипали корпию... И вообще делали все, чтобы заменить своих ушедших на войну мужей.

Продукты – действительно только местного происхождения, – несмотря на карточки, во всех домах создавались склады продовольствия и топлива. Но приобретение чего-либо «про запас» было строго запрещено. Гостиницы пустовали. Пользоваться телефоном и отправлять телеграммы можно далеко не всем (а с 8 августа и вплоть до конца сентября 1914 года было вообще строжайше запрещено). С середины августа 1914-го был издан запрет на вождение автомобилей частными лицами. Исключения сделали для медиков, продавцов продуктов питания, для шоферов, осуществлявших военные поставки, а также для общественного транспорта и для сельскохозяйственной техники. А позже, в ноябре, крайне обострилась ситуация с резиновыми покрышками и бензином, поскольку Соединенные Штаты и Австро-Венгрия, основные поставщики минерального топлива, практически остановили весь свой экспорт.

Еще одной проблемой стала безработица – в войну никого не интересовали прекрасные швейцарские часы! В итоге в городе Ла-Шо-де-Фон, центре швейцарской часовой промышленности, установился такой высокий уровень безработицы, что властям пришлось начать материально поддерживать тысячи граждан. А вот интерес к шоколаду не ослабел – заказы стабильно поступали из Британии, Германии и Франции, – и потому их производителей сильно тревожили поставки какао и сахара. Представляете, каково было доставлять все это через бушующую Европу!

Словом, на фоне вот таких декораций разворачивались трагедии, которые привлекли внимание моего старшего товарища, учителя и благодетеля Гарольда Графа...

Приятного тебе чтения, уважаемый господин читатель!

Часть 1

Глава I

Странная просьба

Больной неподвижно сидел на постели, глядя на дверь и прислушиваясь. Но никаких звуков, кроме надоедливого гудения вентилятора и приглушенного урчания проносившихся возле дома редких автомобилей да звона велосипедных звонков, до него не доносилось. Хотя ныне движение транспорта в городе почти замерло: была середина лета 1915-го, жара стояла уже четвертый день, а развлекательные поездки на время войны перешли в область воспоминаний...

Лежавший в кровати больной выглядел ухоженным и умиротворенным. Блестящие светлые волосы были тщательно причесаны, а приятное, печальное лицо – чисто выбрито. Худые руки с тонкими изящными пальцами застыли на льняной простыне, верхний край которой был отогнут к коленям. Тонкая голубая пижама выглядела так, словно ее только что доставили из прачечной.

На столике возле двуспальной кровати стопкой лежали журналы и книги, бумага для письма и ручка, а на свободном пятачке стоял кувшин с ледяной водой. Над всеми четырьмя окнами высокой светлой угловой палаты были укреплены полотняные навесы, благодаря которым в помещении царила приятная прохлада.

Больной поднес к глазам запястье левой руки, собираясь посмотреть на часы, – кожаный ремешок скользнул вниз по исхудалой руке. Полдень. Доктор появится только через час. Шмид – на кухне, готовит обед. Больной взглянул на телефон, укрепленный на подставке у самой двери. Хотя пользоваться телефоном имели право только чиновники из администрации кантона да полицейские с пожарными, владелец гостиницы выхлопотал разрешение для особых гостей.

Подумав мгновение, больной откинул одеяло, опустил ноги на пол, затем, опираясь о столик, поднялся с постели и медленно подошел к телефону. Остановившись у аппарата, он замер и прислушался. Его комнату отделяла от кухни и холла большая гостиная, но звяканье стекла и фарфора было слышно совершенно отчетливо. Все спокойно. Больной тяжело опустился на стул и взял с нижней полки подставки телефонную книгу.

Положив толстенный фолиант на колени, больной задумался, затем открыл справочник, поискал нужную страницу и, наконец, повел пальцем по колонке. Остановившись на нужном месте, запомнил номер и сунул книгу на место. Едва он протянул руку к трубке, как раздался резкий звонок в дверь. Больной вздрогнул, поспешно поднялся и направился к ближайшему окну. Не успел он преодолеть и полпути, как в дверь заглянул высокий, худощавый мужчина с красным лицом.

– Прогуливаетесь? – поинтересовался он.

– Да. Решил размяться.

– Приехал доктор. Сегодня раньше обычного, – Вошедший говорил нараспев. – Вам лучше вернуться в постель.

Больной улыбнулся и ответил:

– Разве это важно?

– Лишь бы доктор не счел, что я к вам невнимательно отношусь.

С этими словами вошедший взял больного под руку и помог добраться до кровати.

– Вряд ли он так подумает, Шмид. – Больной не удержался от сардонической нотки. – Как бы то ни было, я не собираюсь на вас ябедничать.

Человек по имени Шмид накрыл больного тонким одеялом, аккуратно разгладил его, поправил подушку и не спеша направился к двери.

Вернулся он с крупным, довольно полным пожилым джентльменом, темноволосым и неопрятным. Низко опущенная голова и выпуклый широкий лоб делали посетителя похожим на быка. В руках он держал черный саквояж – необходимый атрибут профессии врача.

– Ну, господин Мартинели, посмотрим...

Доктор обошел кровать, поставил саквояж на пол и взялся пальцами за запястье больного: этот жест был чисто ритуальным – он сразу же убрал свою руку. Шмид с невозмутимым видом стоял, опираясь о высокую спинку кровати у ног Мартинели. Его продолговатое обветренное лицо и светлые озорные глазки совсем не вязались с профессией слуги, а белая форменная куртка казалась позаимствованной у какого-то раззявы; да и легкая походка Шмида была не характерной для обычно едва переставлявших ноги слуг. Он выглядел таким же чистеньким, как его подопечный, – правда его облик несколько портила прическа: каштановые волосы слуги торчали во все стороны. Шмид чем-то напоминал рыжего из цирка – возможно, ему следовало бы сменить род занятий и дарить людям радость...

Взглянув на Шмида, доктор Тролингер не улыбнулся.

– Приятно и прохладно у вас здесь. А вообще сегодня на улице дьявольское пекло, господин Мартинели. Мои пациенты не пришли вовремя, и потому я, сократив приемные часы, решил заскочить к вам.

– Похоже, вам жарко, доктор...

– А вам вроде бы нет, господин Мартинели.

– Да, для меня это большая удача, – улыбнулся больной.

Тролингер посмотрел на него, но сразу отвел глаза: рядом с чистейшим бельем и ухоженным больным он сам выглядел не неряшливым и потрепанным, а просто грязным. Чувствуя себя неловко, врач уставился в пол. На его бледном лице выступил пот, карие глаза с желтоватыми белками лихорадочно забегали.

– Но в больнице вам все-таки будет лучше, господин Мартинели, – наконец выдавил он.

– Что, мои дела так плохи? – безразлично поинтересовался больной.

Доктор с горечью подумал, что если когда-то в этом человеке и была сила, то теперь ее высосала болезнь.

– Там удобнее. Ухаживает квалифицированный персонал... Ваш слуга неплохо заботится о вас, но все же... – Тролингер покосился на Шмида и тут же отвел взгляд. Вынув из кармана мятый шелковый носовой платок, он вытер вспотевший лоб: – Мне было бы спокойнее, если бы вы находились под присмотром квалифицированной сиделки. В клинике Святого Дамиана вы роскошно устроитесь. Я заказал для вас угловую комнату, как и здесь, – надеюсь, вам она понравится. Высокие деревья под окнами... Я очень люблю такие старомодные места.

– Пожалуй, умереть здесь и в самом деле неразумно, – задумчиво проговорил Мартинели. – Когда я должен ехать?

– Сегодня после полудня, если пожелаете.

– Если захочу? Ведь вы уже обо всем договорились, хотя все больницы переполнены. Конечно, я согласен. Только не отвозите меня на машине скорой помощи. Я – как Дизраэли – не люблю символа смерти. – Мартинели едва заметно улыбнулся.

– Вы можете отправиться в такси. Я поеду вместе с вами и присмотрю за тем, как вас устроят. – Тролингер спрятал платок и вздохнул с явным облегчением. – Ох, вы мне просто камень с души сняли.

– Это вы хорошо придумали, доктор – оставить меня в покое, я имею в виду. Но вот в этой вашей больнице беззаботной жизни мне не видать, не так ли?

– Ничего подобного.

– Интересно, почему они всегда так суетятся и лезут куда их не просят. Я знаю диагноз...

– Потому что вы сами настаивали на откровенности!

– ...и они его знают. Зачем вся эта суматоха с переливанием крови и рентгеном, если человек умирает?

– Мы договорились, что вы не станете забивать голову такими мыслями, господин Мартинели.

– Мысли... как мысли. Но я должен уладить дела. Кстати, Шмид, мне нужно позвонить по телефону – я хочу, чтобы из банка прислали все оставшееся на счете. Я собираюсь платить за все наличными. – Он взглянул на Тролингера. – Вы ведь знаете, что получается, когда умирает человек. Пока наследство не очищено от долгов и не оформлено надлежащим образом, ни один счет оплачен не будет. Но мне не нравится дурацкая волокита. Я заплачу наличными вам, доктор, и переведу пару тысяч на счет больницы, чтобы оплатить свое содержание в ней и расходы на похороны. Надеюсь, больница возьмет это на себя?

– Конечно, если вы того пожелаете, – Тролингер нахмурился.

– К сожалению, у меня нет никого, кто бы позаботился о моем прахе. А пары тысяч хватит? Вот это вы должны обязательно сказать мне, доктор. Я, вероятно, пробуду у Святого Дамиана чуть больше недели... Вряд ли больше?

– Давайте не будем загадывать, господин Мартинели, – сухо ответил Тролингер.

– Ну, доктор! Мы же с вами не дети и не пугливые старые дамы. Уясните наконец, я говорю об этом совершенно спокойно. Не так ли, Шмид?

– Да, господин Мартинели относится к своему ближайшему будущему без тени волнения. – Казалось, Шмид развеселился еще больше.

– Просто хочу оставить достаточно денег. Пусть меня похоронят на нашем семейном участке на кладбище в Шпице, что под Туном. Я совсем недавно улаживал дела, связанные с наследством моего покойного дядюшки. Вот потеха, – он рассмеялся. – Наследство состояло из старого дома да счета в банке, которого хватило лишь на похороны. Умный старик. Жил на ренту. У меня ренты нет, но здесь в банке есть копия моего завещания. Оригинал хранится в моем банке в Женеве. – Больной повернул голову на подушке. – Если на моем счете что-нибудь останется, пусть потратят на благотворительность.

Тролингер поднял глаза на Шмида и смотрел на него, не переставая, пока тот не убрал руки со спинки кровати и не вышел из комнаты. Выждав мгновение и полагая, что Шмид удалился на достаточное расстояние, доктор тихо заговорил:

– Господин Мартинели.

– Да? – Больной не шелохнулся.

– Вероятно, все же кого-то следует известить.

– Я же сказал: у меня никого нет.

– Никого?

– Абсолютно.

– И даже в Женеве?

– Только деловые знакомства.

– И в Шпице?

Помолчав, Мартинели ответил:

– В Шпиц я ездил только из-за наследства. Тогда я здорово удивился, что дядя оставил мне свой старый дом. Я же говорил вам, доктор, – та ветвь нашей семьи, что поселилась в Шпице, уже вся вымерла. У меня нет ни единой родной души, кроме двоюродных братьев, живущих не то в Монтре, не то где-то поблизости. Если они еще не умерли, конечно. Я не видел их с детства, с тех пор, как гостил у них как-то летом. В моем завещании их нет, – добавил он, усмехнувшись. – Не думаю, что они приедут сюда, на север, на мои похороны. Хочу вас заверить, что и я в Монтре по такому поводу не отправился бы.

Тролингер сидел молча, положив массивные руки на колени.

– Это большая ответственность, – произнес он через минуту.

Мартинели повернулся к нему лицом.

– В чем?

– Если вы забыли о ком-то и этот кто-то спросит, почему его не уведомили...

– Я никого не забыл. Видите ли, мне нравится одиночество.

Взгляд Мартинели скользнул мимо собеседника куда-то в неведомые дали пространства и времени.

– Меня не беспокоит, что я умру в больничной палате. Полагаю, люди имеют право умереть так, как они хотят – если это возможно, конечно. Вы не докучали мне, доктор, и я вам за это благодарен. Я не стану вносить изменения в свое завещание. Оно было составлено много лет назад, и менять что-либо слишком хлопотно – особенно теперь. Но я заплачу вам две тысячи франков наличными – тысячу сегодня, до того, как мы отправимся в больницу. А Шмид вручит вам вторую тысячу после моей смерти.

Тролингер выпрямился в своем кресле. Его бледное лицо словно окаменело; короткопалые кисти самопроизвольно сжались в кулаки. Он сцепил руки и принялся медленно вертеть большими пальцами. После долгой паузы он изрек:

– Я не имею права на гонорар в две тысячи франков, господин Мартинели.

– Права? Нет. Разве дело в праве? Дело в моем к вам уважении. Вы поставили верный диагноз и сказали мне правду, когда я попросил вас об этом. В течение двух недель вы возились со мной; устроили меня в больницу. Вы заботились о том, чтобы, так или иначе, была выполнена моя последняя воля и прочие распоряжения. Сколько я вам заплачу, это мое дело, и оно больше никого не касается.

Тролингер откашлялся.

– Никого, кроме Шмида.

– О Шмиде не беспокойтесь. Я ему вполне доверяю. Вероятно, вы просто плохо знаете людей такого типа?

– Вы выбрали его в Туне.

– Но не на улице же! Я расскажу вам, как все произошло. Я приехал на север по просьбе банка в Туне, где мой покойный дядя хранил деньги. Я был его единственным душеприказчиком. Старика я и в глаза не видел, но, возможно, он питал некие сентиментальные чувства к последнему отпрыску старшей ветви семьи. По объявлению в газете 28 мая я остановился в Берне и снял на лето эти апартаменты. Осенью я собирался вернуться в Женеву, а пока немного пожить на севере. Я собирался посмотреть город, но это занятие мне очень быстро наскучило... Я поехал немного по окрестностям и прибыл в Тун... Пойдите, когда это было... 15 июня. Там я узнал, что Шпиц находится милях в пяти к востоку, в живописной бухточке. А Шмид оказался на вокзале – сидел в старинной колыхающей и ждал клиентов. Я удивился, но таксомоторов не было, и я позволил парню отвезти в Шпиц и себя, и чемодан. Мы поговорили. Он показался мне довольно занятым. Человек – перекаати-поле. Абсолютно доволен собой. При торговывал собственными поделками, но, понятное дело, конкурировать с мастерами не смог и разорился... Дом моего дяди располагался в двух милях к северу от Шпица... Препаршивый городишко, скажу я вам. Кроме замка и видов на озеро с горами и смотреть нечего, а я не любитель ни древностей, ни красот природы. И пришлось бы мне мучиться в так называемом городском отеле, если бы не Шмид. Благодаря ему я обосновался в родовой берлоге. Шмид оказался мастером на все руки и готовил для меня, как настоящий повар. Вскоре я начал чувствовать себя слабым и больным, и он окружил меня трогательной заботой: покупал провизию, привозил газеты и книги. Я жил в комфорте и неге... Сейчас мне очень приятно вспоминать этот фрагмент своей жизни, доктор, – беззаботное, спокойное время... А как хорошо было там, на озере, в окружении невозмутимых гор! За эти недели я хорошо изучил характер Шмида. Он честный человек.

Тролингер промолчал, глядя на больного из-под прищуренных век.

– Затем я свалился... Это произошло 3-го июля, как вы знаете. Шмид сообщил сюда, что мы приезжаем, и 6-го пополудни привез меня в Берн. Я без сил рухнул в постель, а он кинулся на поиски врача и первой увидел на улице вашу вывеску. Да, старина Шмид... Он возился со мной как преданная нянька – и там, и здесь. А сегодня вечером он отправится в Шпиц – надо закрыть старый дом, уплатить по счетам – я подготовил ему целый список. А после похорон он передаст вам вторую тысячу.

– Весьма обязан, – буркнул доктор.

– Это я вам обязан. Хотел бы я знать, – сказал Мартинели, слегка улыбаясь, – что теперь будет со Шмидом. Готов поклясться, что он не уgomонится, чем бы ни занялся. Ему, как и мне, за сорок – слишком поздно менять привычный образ жизни. По крайней мере, я не стал бы отказываться от своих привычек, даже если бы от этого зависела моя жизнь. – Тролингер бросил быстрый взгляд на больного – тот безмятежно смотрел в потолок и мечтательно продолжал: – Вероятно, попробует свои силы в качестве проводника где-нибудь на перевалах, – он усмехнулся. – Или просто сгинет с лица земли. Впрочем, об этих уроженцах германоязычных районов ничего нельзя сказать наверняка. Даже их манеры не поддаются никакому объяснению – самые простодушные часто кажутся холодными и высокомерными.

– А в Шпице кто-нибудь сможет проконтролировать действия вашего Шмида, господин Мартинели?

– Да там его все как облупленного знают! Кроме того, агент по продаже недвижимости присмотрит за домом до и после появления Шмида, поскольку я решил выставить на продажу эту рухлядь. Не удерет же Шмид с печками дяди Конрадуса! Да и дом, конечно же, никто не купит. Он просто развалится. Ферма и сад запущены, вода подается ручным насосом, и канализации нет.

– Хорошо. Вам лучше знать. – Доктор наклонился, взял саквояж, который так и не пришлось открывать, и встал. Помедлив, он, наконец, бесстрастно изрек: – Ни вы, ни я не склонны к сентиментам. Но позвольте мне сказать, что когда наступит мой черед, я надеюсь вести себя так же мужественно, как и вы.

– Мужественно? – переспросил Мартинели, покосившись на доктора, затем протянул руку к небольшому радиоприемнику, стоявшему на полке прикроватного столика и покрутил ручку настройки. – Что ж, откровенность за откровенность, – проговорил Мартинели и подождал, пока не зазвучала мелодия, исполняемая оркестром струнных; послушав немного, убавил громкость и откинулся на подушку. – В своей жизни я совершил массу ошибок и глупостей, но при этом никогда не противился судьбе и безропотно сносил все ее удары. Сейчас я повержен, но могло быть и хуже.

– Должен заметить, у вас очень необычный взгляд на жизнь, господин Мартинели. Я заеду за вами, скажем, часов в пять?

– Мы будем готовы. А в больнице мне позволят принимать от бессонницы ваши приятные таблетки?

– Я договарюсь.

– Конечно, утром после снотворного чувствуешь себя, как выжатый лимон, но это небольшая плата за несколько часов спокойного сна.

– Остановимся на привычном фенobarбитале.

Тяжело ступая, Тролингер вышел из комнаты и через гостиную направился в холл. Навстречу ему из кухни выскочил Шмид с подносом в руках: доктор обратил внимание на сервированный на нем легкий завтрак. Приткнув поднос на тумбочку для шляп, Шмид открыл перед доктором входную дверь.

– У него в самом деле никого нет? – сухо осведомился Тролингер, не глядя на слугу.

– Насколько я знаю – никого... Сколько он еще протянет?

– Недели две – не больше. Хотя я могу и ошибаться, – ответил Троллингер, все еще не поднимая взгляда.

Шмид закрыл за врачом дверь и вновь взялся за поднос. Войдя в спальню, он поставил завтрак больного на тумбочку. Пока слуга наводил порядок на прикроватном столике, Мартинели, внимательно следя за его действиями, спокойно проговорил:

– Это наш последний день.

– Мне собираться недолго. Я уже все подготовил. – Шмид растягивал слова еще больше обычного. – Только не могу найти ту книгу, – добавил он.

Последовала пауза. Затем Мартинели произнес:

– Глупо, конечно. Должно быть, я забыл ее в поезде.

– Стоит ли волноваться, если она вам не очень нужна? Могу пойти и взять другую.

– Боюсь, теперь у меня останется не слишком много времени на чтение... Я пока не хочу есть, Шмид... Позвоните в банк. Кто знает, сколько придется ждать, пока их посыльный с деньгами доберется сюда.

– Да, вы правы.

– Мне нужно выписать чек Тролингеру. Где чековая книжка?

– На столе.

– Сколько осталось на счету?

Шмид открыл чековую книжку и прочел вслух:

– Четыре тысячи пятьсот шестьдесят семь швейцарских франков.

– Надеюсь, этого хватит – даже если я продержусь несколько дольше, чем отвел мне Троллингер. Помнится, он говорил о паре недель...

– Не стоит волноваться.

Шмид пересек комнату, взял телефонную книгу, нашел и набрал нужный номер.

– Это банк кантона Женева? – спросил он, затем добавил: – Не кладите трубку, пожалуйста. С вами будет говорить господин Говард Мартинели.

Глава 2

Незванная гостья

В среду, 28 июля, жара снова обрушилась на город. Такой же нестерпимый зной набросился на Берн в тот же самый день на предыдущей неделе. Но в библиотеке Графа, занимавшей всю заднюю часть дома, было вполне комфортно благодаря сквозняку из через окна фасада. Сюда даже долетал аромат нагретой воды от реки Ааре. Этим вечером Граф пообедал рано, и поэтому его слуга-француз Антуан мог отправиться, например, в кафе или в пивную – в обоих случаях он возвращался суровым и трезвым, – а сам хозяин дома удобно устроился в кресле возле одного из высоких окон библиотеки. Он пил кофе, курил сигарету и бездумно смотрел на пыльную зелень.

Сейчас он жил один, не считая Антуана и большого желтого кота Мартина. Клара отдыхала на Женевском озере: она не хотела уезжать, но Граф, принимая во внимание ее хрупкое здоровье, настоял на своем. В итоге они арендовали пансион у приятеля, коих у господина Графа имелось множество. Клара отправилась туда в конце июня в сопровождении своего любимца – пса породы чау-чау по имени Солнышко, кухарки Этель и горничной Марианны. Предполагалось, что сам Граф станет приезжать на выходные, но пока его многообразная деятельность вносила свои коррективы – две намеченные встречи задержали любящего супруга в городе до конца субботы.

Придавленный жарой город словно вымер. Залитые зеленью улицы и площади со средневековыми фонтанами окутывала удивительная, неправдоподобная тишина, наверное – подумалось ему – так было задолго до его рождения, когда дедушка Граф сидел после обеда у этого же окна, курил сигару и пил кофе из голубой чашки – этой же или другой, но очень похожей. А бабушка переживала тропический зной и дышала свежим воздухом где-нибудь в Лозанне или в Ницце. Старики удивились бы изменениям, которые претерпел их дом – дом, в который они вошли после своего медового месяца. Снаружи все осталось прежним – скромное фахверковое строение с высоким подвалом и низкой открытой верандой с белой отделкой, – но внутри жилье и работа слились воедино и потребовали кардинальных перемен. Подвал был предоставлен Антуану и Этель. Гостиная стала кабинетом Графа, столовая – его лабораторией, кладовая – помещением для фоторабот. За лестницей установили крошечный лифт – всего на двух человек; небольшой подъемник соединял кухню и библиотеку, которая одновременно служила столовой семье Графов.

Сейчас оборудование лаборатории покрывали чехлы от пыли. Стефан – помощник, лаборант и автор этих строк – был призван на защиту границ страны...

Наслаждаясь заслуженным отдыхом, хозяин дома сидел, положив ноги на стул, и рассматривал кусты азалии, которые росли во внутреннем дворе. Играл патефон. Неожиданно загудел и остановился лифт. В дверях показался Антуан.

– С вами хотят увидеться, господин Граф.

Такая форма сообщения означала, что по мнению Антуана, посетитель был вполне уважаемым, но все же не до такой степени, чтобы следовало обозначить его пол.

– И кто же это? – поинтересовался Граф.

– Молодая особа, никак не старше тридцати. Визитной карточки не предъявила. Не представлялась. Сказала, что по делу. Не похожа на горожанку.

– Что-нибудь продает?

– Вряд ли. Похожа на школьную учительницу, но у нее не совсем правильная речь.

– Конторская служащая?

– Для этого она несколько старомодна, господин Граф. Трудно определить род ее занятий.

– Почему я должен с ней встречаться без предварительной договоренности?

- Просто так она не стала бы вас беспокоить.
- Вот как! Придется положиться на твое мнение.

Граф опустил ноги на пол, потянулся и отправился вниз. По пути в кабинет он приоткрыл парадную дверь, закрепив ее на цепочке, и лишь затем вошел под лепной потолок бывшей гостиной.

Посетительница сидела на краешке одного из глубоких кожаных кресел, заметив хозяйина, она поднялась и замерла. Это была молодая женщина, среднего роста, с округлым лицом, большими карими глазами и собранными в пучок каштановыми волосами.

На голове красовался тюрбан из коричневой ленты, очевидно, самодельный. Сбоку была приколотая небольшая роза. Коричневый полотняный костюм и поношенные полуботинки такого же цвета красноречиво свидетельствовали о невысоком достатке неожиданной гостьи. В руках женщина держала связанную из коричневой шерсти большую сумку.

Граф подумал, что его посетительница, видимо, человек рассудительный и спокойный, но сейчас очень взволнована – возможно, мысль зайти сюда посетила ее внезапно.

- Добрый вечер, – начал он.
- Господин Граф?
- Да. К вашим услугам.
- Меня зовут Шафер. Лидия Шафер.
- Присаживайтесь, госпожа Шафер, а я пока добавлю свежего воздуха.

Он подошел к закрытому окну, оборудованному воздушным фильтром, и, включив его, подставил лицо под поток теплого воздуха, затем открыл защелку и поднял раму. Наконец, вполне удовлетворившись полученным результатом, Граф повернул кресло в сторону посетительницы и сел.

- Что я могу для вас сделать?
- Боюсь, тут ничего уже не поделаешь, но все же... – она говорила чуть гнусаво, но достаточно отчетливо. В целом ее манера произносить слова производила довольно приятное впечатление: – Я, конечно, должна была предварительно позвонить и договориться о встрече.
- Ну, это чтобы наверняка... Я не часто бываю дома.
- Но я подумала, что у вас есть секретарь. Они обычно задают тысячи вопросов... Я сама такая. – Она сухо улыбнулась. – Но я не стала бы говорить, ради чего хочу встретиться с вами. Это неприятная тема.
- Неприятная? – с наигранной улыбкой переспросил Граф.
- Вы подумали бы, что я ненормальная.
- Обещаю, что не подумаю.
- Мне не пришло бы в голову отнимать у вас время, но прошлым летом мне о вас рассказал господин Дроз.
- Господин Дроз?
- Он говорил, что хорошо знает вас.
- Если это Ленц Дроз, адвокат, то конечно... Знает.
- Он проводит лето неподалеку от Туна, в Шпице – там живет моя тетя. Оттуда родом и вся наша семья. Я обосновалась в Берне, потому что работаю здесь – помощницей у своего дяди, зубного врача. На лето я приезжаю в Шпиц, чтобы побыть с моей тетей, а господин Дроз приезжает туда за морковными пирогами и пряниками.
- В этом году он сидит в городе.
- Конечно. Ведь теперь не разрешается пользоваться машиной. Но прошлым летом он приезжал, и тогда в газетах писали о вас и вашей жене.
- Писали, – обреченно согласился Граф.
- Господин Дроз рассказывал нам о вас.

Женщина смотрела на Графа так, словно он был хитрой головоломкой, которую ей предстояло разгадать. Чувствуя некоторую неловкость, он рассмеялся:

– Ну, Дроз все-таки адвокат – вряд ли его истории могут всерьез подмочить мою репутацию.

– Он говорил, что когда происходят странные события, вы иногда... – Она замолчала; пауза тянулась и тянулась. Граф, наконец, подбодрил ее:

– Да, госпожа Шафер?

– Господин Граф... – В голосе посетительницы звучало неподдельное отчаяние. – У меня нет денег.

– Вы имеете в виду гонорар?

– Да.

– Не волнуйтесь, пожалуйста. Лучше расскажите мне о «странном событии». Ленц прав, подобные истории меня интересуют.

– Не знаю, как у меня хватило наглости прийти к вам. Я ничего не говорила тете и дяде. Они живут неподалеку от Эрлахерхофа. Они бы подумали, что я свихнулась. Вы же ничего обо мне не знаете, – закончила госпожа Шафер совсем нелогично. Педантичный слушатель потерял бы всякое терпение. Однако Граф педантом не был.

– Друг Дроза – это и мой друг, – мягко проговорил он. – И я не выдаю профессиональные тайны кому попало. А теперь скажите мне: это необыкновенное событие произошло здесь, в Берне?

Ему на мгновение представилась старомодная приемная зубного врача – место работы неожиданной посетительницы. Вот она сидит за столом с толстой регистрационной книгой в руках, без форменной одежды, без косметики, без особой техники устрашения. Барышня в приемной его собственного зубного врача выглядела, как звезда кабаре.

– Нет. Не совсем. Все началось нынешним летом – 21-го июня – в Шпице, а точнее – в доме Мартинели. Именно там я встретила с господином Мартинели. Но 6-го июля он вернулся в Берн, а теперь он в больнице, и никто мне не объяснил, в чем дело.

Граф ждал продолжения.

– Господин Граф, – взволнованно произнесла она, – я раньше никогда не задумывалась, но в этом городе с человеком может случиться все что угодно, и никто никогда не узнает, что же произошло!

– Не стану с вами спорить, но, я думаю, вы преувеличиваете. Впрочем, я пока не слышал всей вашей истории.

– Меня осенило, когда я пыталась выяснить хоть что-нибудь в этой кошмарной больнице вчера вечером. Обычный человек не может проникнуть в такие места или вытребовать ответы на свои вопросы. За всю свою жизнь никогда не чувствовала себя такой беспомощной!

– Но, госпожа Шафер, мне тоже не дадут в больнице информацию о пациенте. Это запрещено. Вам нужно связаться с доктором, с родственником или с другом.

– Но у него никого нет!

– У господина Мартинели никого нет?

– Он сам мне говорил! Никого.

– Исключая вас.

Граф улыбнулся ей, но она продолжала говорить, серьезно глядя на него.

– Я ему никто. В этом-то вся беда. Именно поэтому мне ничего не сказали ни на квартире, ни в больнице. На прошлой неделе и вчера вечером.

– Вы рассчитываете, что я что-нибудь узнаю о господине Мартинели?

– Я просто... просто хочу услышать ваше мнение.

– Хорошо.

Граф достал из кармана портсигар и предложил сигарету госпоже Шафер. Как он и ожидал, женщина отказалась, покачав головой.

– Вы не возражаете, если я закурю? – спросил он.

Посетительница удивилась этому вопросу.

– Конечно!

Граф закурил сигарету и задумался. В этого Мартинели она не влюблена. Вероятно, она романтична по натуре, но не станет терять голову из-за первого встречного. Ветреной ее не назовешь, и она далеко не дура.

– Я сейчас объясню все с самого начала, – заговорила вновь госпожа Шафер. – Каждое лето, когда мои бернские дядя и тетя отправляются к морю, я беру отпуск и еду в Шпиц к тете Джулии – просто потому, что ничего другого не могу себе позволить. Мне приходится платить только за еду. Но там красиво. Я даже иногда плаваю в озере... – продолжала госпожа Шафер. – Только нечем заняться. Шпиц – крохотный городок, а его замок интересен только туристам. В пяти милях к востоку от Туна. Я целыми днями брожу по вдоль озера и по склонам – гуляю. Лучшее место для прогулки – за домом старого Мартинели – в двух милях от нее. Старик Мартинели жил там безвылазно, а прошлой весной скончался. Я обычно обходила его владения и поднималась наверх, до конца дороги. Там прекрасный вид. Ну вот, этим летом я решила проводить время в саду у старого Мартинели – старик похоронен, дом заперт, и никому до меня нет дела... В очередной раз я вышла прогуляться 28-го июня. Не доходя до дома, свернула и пошла по полю к каменной ограде, думая, что перелезу через нее и поброжу по саду. Но перебравшись через стену, я чуть не умерла от страха. Там, внизу, прислонившись к нагретому камню и надвинув шляпу на глаза, сидел какой-то человек. Это оказался господин Говард Мартинели. Он очень любезно сказал, что я могу спокойно пройти через его владения или посидеть там, если мне хочется. Лишь просил извинить его за то, что не может встать. Он плохо себя чувствовал. Мы разговорились.

– Не очень-то люблю перебивать, но скажите, пожалуйста, как выглядел или выглядит ваш господин Мартинели? – спросил Граф. – Мне всегда интересно это знать.

– Ну, ему лет сорок пять. Очень светлые волосы и голубые глаза. У него такая тихая, спокойная манера говорить. Очень приличный костюм и панама. Выглядел довольно бледным, но, возможно, это от природы – загар на кожу плохо ложится. Среднего роста, скорее худощавый. Чисто выбрит.

– Вы хорошо обрисовали его.

– Просто приятный человек. Он объяснил, что дядя сделал его душеприказчиком, и ему пришлось приехать сюда из Женевы, чтобы присмотреть за домом и решить наследственные дела. Он собирался жить в Туне, но встретил на вокзале человека по имени Шмид – тот прекрасно готовит и все такое, – поэтому они и поселились здесь на озере. Я еще подумала, что они правы – гостиница сейчас никуда не годится, а тут все-таки жилой дом...

– А как выглядел Шмид?

И тут госпожа Шафер заговорила совсем другим голосом.

– Его-то я почти не видела. Случайный, в общем-то, человек. Он просто подвез на своем «рено» господина Мартинели из Туна в Шпиц, когда тот приехал из Берна. Это было 15 июня. Они прожили вместе около недели, и господин Мартинели говорил, что Шмид ему нравился все больше и больше – дескать, тот настоящий философ, умница, работающий. Как бы то ни было, они устроились в старом доме, и, как считал господин Мартинели, он давно так хорошо не отдыхал. Прежде он не бывал в этих краях, но живописные пейзажи, горы, воды озера и тишина сделали свое дело – господин Мартинели решил съездить ненадолго в Берн, а потом вернуться в унаследованные владения... В ту первую нашу встречу мы поднялись в верхнюю часть сада – оттуда открывается великолепный вид на озеро и окаймляющие его горы, а внизу виден кусок дороги на Тун – в полмили, не меньше – она извивается среди скал... Господин

Мартинели рассказал мне, что Шмид занимался ремеслом, торговал чем-то, но потерял дело, когда его поделки перестали брать. Так что Шмид теперь безработный, и он, Мартинели, подумывает, не взять ли парня с собой в Берн. Он болен, а Шмид его вполне устраивает... Пока мы разговаривали, из-за поворота вывернулся «рено» – Шмид ездил в Тун за продуктами. Господин Мартинели поспешно встал и сказал: «А вот и Шмид. Не стану вас задерживать»... Вы понимаете, конечно, – госпожа Шафер изобразила нечто вроде улыбки, – когда вам говорят, что не станут вас задерживать, это означает – милочка, вы мешаете!

– Несомненно.

– У меня возникло ощущение, что господин Мартинели просто не хочет, чтобы Шмид видел меня. Я не возражала. В городке ужасно любят сплетничать, а мне не хотелось ставить господина Мартинели в неловкое положение. Я обогнула сад с юга и вышла на ведущую вниз дорожку. На следующий день я отправилась на прогулку пораньше – господин Мартинели попросил меня об этом.

– Не часто мы находим близких по духу людей буквально на обочине дороги.

– Мой новый знакомый оказался совершенно удивительным человеком – я никогда не встречала подобных людей. Не понимаю, почему он вообще разговаривал со мной. Но мы беседовали чудеснейшим образом. Он как-то сказал, что ждет с нетерпением моего появления. Он прочел буквально все на свете и был чрезвычайно интересным собеседником. А мне и в голову не приходило, что с каждым днем ему становится все хуже и хуже. Он никогда не упоминал о своей болезни.

– А чем он болел?

– Не знаю.

– И вы никогда не встречались с Шмидом?

– Я видела его пару раз на дороге и один раз в Туне. Господин Граф... Господин Мартинели боялся его.

– Мартинели боялся своего ручного философа?

– Его пугали вовсе не сплетни. Я поняла это еще в первый день, когда все обдумала по дороге домой. Господин Мартинели испугался, когда машина Шмида появилась из-за поворота.

Граф задумчиво посмотрел на нее.

– Вас навело на эту мысль выражение лица Мартинели?

– Ну, мне сразу стало ясно, что если Шмид застанет нас за беседой – случится беда. Когда господин Мартинели выпроводил меня – да еще и так поспешно, – я почувствовала себя ужасно неловко. Думала, что господин Мартинели боится, как бы наша встреча в саду не стала достоянием деревенских сплетниц. И лишь по дороге домой я поняла, что за этим незначительным происшествием кроется нечто большее.

– А может, вам почудилось нечто необычное в выражении лица Мартинели? Например, вам просто не понравилось, что ваш случайный знакомый боится дурацких сплетен.

– Господин Мартинели просил меня не приходить в воскресенье – в этот день Шмид хлопотал по хозяйству в доме.

– Понятно...

– Правда, господин Мартинели объяснил это тем, что по воскресеньям он привык отдыхать. Однако и это еще не все, господин Граф. – Гостья открыла свою туго набитую сумку. Несколько вещей выпало и с шумом раскатились по полу. Посетительница даже вскрикнула от досады.

Граф взмахнул рукой – дескать, не стоит беспокоиться – и сам собрал беглецов: массивный ключ от двери, кожаный футляр со штемпелем, коллекцию лоскутков платьевых тканей, скрепленных вместе булавкой, и картонную коробочку, которая невольно привлекла внимание Графа.

– Вы ведь не курите, госпожа Шафер. Зачем же вы носите в сумочке спички?
Это замечание показалось ей забавным.

– Все попадаются на этом.

– Попадаются?

Женщина открыла коробочку и протянула ее Графу. Он с нескрываемым интересом заглянул внутрь.

– В самом деле попался! Это ведь просто набор для шитья.

– Набор для штопки, – уточнила довольная госпожа Шафер. – Симпатичный, правда? Я купила его в универсальном магазине, в галантерейном отделе. Тут четыре маленькие катушечки искусственного шелка и две иголки. Я ношу его с собой на работу – на всякий случай. В понедельник я переехала в Бюмплиц, в пансион возле интерната для трудных мальчиков, и теперь дорога занимает у меня лишком много времени. Приходится ездить на трамвае. Я хотела связаться с господином Мартинели и сообщить ему свой новый адрес. Его еще никто не знает, кроме дяди и тети. Да, еще мне хотелось вернуть книгу.

Она сунула руку в сумку и с некоторым трудом извлекла наружу потрепанный томик в коричневом переплете.

– Господин Мартинели дал мне ее почитать, – пояснила госпожа Шафер. – Это Шекспир, шеститомное издание, но он дал мне только одну книгу. Он говорил, что Шекспир придает путешествиям совершенно неповторимый колорит. И знаете – забыл этот томик, когда уезжал. Мне бы очень хотелось отдать ему эту книгу – на ней указано имя его деда!

Женщина показала Графу обложку с оттиснутыми золотыми буквами именем – «Конрадус М. Мартинели».

– Книга из семейной библиотеки, – проговорил Граф, взглянув на томик с некоторым интересом. – Странно, что он забыл ее.

– Он уезжал в страшной спешке. Я пришла шестого июля и обнаружила, что дом закрыт, и никого нет.

– Удивительное дело!

Госпожа Шафер пропустила замечание Графа мимо ушей и вновь вернулась к Шекспиру.

– Мы говорили о войне, о современных нравах и зверствах – и господин Мартинели дал мне эту книгу, чтобы я могла оценить, изменилась ли человеческая натура со времен Шекспира.

– Странно...

– С ним было ужасно интересно. Ему нравилось говорить о таких вещах. Господин Мартинели предложил мне прочесть «Венецианского купца» – особенно то место о Шейлоке, где описываются его чувства и отношение к нему окружающих. Хотел, чтобы я сказала: считаю ли я, что персонаж Шекспира – комическая фигура.

– Если Шекспир, изображая Шейлока, собирался повеселить почтеннейшую публику, то я бы заметил, что он выбрал странный способ.

– К сожалению, до «Купца» я так и не добралась. Но в другой пьесе я обнаружила пометки на полях – их оставил господин Мартинели. После этого я стала опасаться Шмида.

Граф удивленно поднял брови.

– Вы, вероятно, считаете, что я сумасшедшая, – продолжала госпожа Шафер извиняющимся тоном. – Вполне вероятно. Я видела этого человека трижды: один раз на дороге и – после того, как прочла помеченные строфы, – во дворе, в машине. Правда, не очень близко. Обыкновенный деревенский парень, впрочем, несколько самодовольный. И все же я рада, что он никогда не видел, как я разговариваю с господином Мартинели. Рада, что он не знает о нашем знакомстве, не знает, кто я.

– Интересно... – Теперь Граф рассматривал принадлежащий Мартинели томик Шекспира с искренним любопытством. – Как выглядит этот Шмид?

– Ему около сорока, худощавый, крепкого телосложения, загорелый – такой загар обычно бывает у крестьян с гор. Жесткие каштановые волосы, острый нос, пронзительные светлые глаза. Всегда небрит, без пиджака, в старой фетровой шляпе.

– И что же в нем внушало вам страх?

– Только то, что его боялся господин Мартинели...

– Боялся, что Шмид увидит вас, – поправил ее Граф.

– Боялся его, – уверенно повторила госпожа Шафер. – И пометил строфы в книге. Мне не довелось поговорить об этом с господином Мартинели. Я уже говорила – шестого июля они уехали. Сначала я прошлась по участку и убедилась, что никого нет, а потом забралась в дом.

– Забрались в дом?

– Через окно. Зашелки там не очень-то надежные, а окна не были заколочены. Я решила, что просто обязана узнать, куда делся господин Мартинели, если – если смогу, конечно. – Помолчав, она гордо добавила: – Я не стала спрашивать на почте. Господин Мартинели никому не говорил, что знает меня. И я не собиралась раскрывать нашу маленькую тайну... Я облазила все углы и просмотрела все бумаги, которые мне удалось найти. На дне ведра для угля я нашла вот это.

Она протянула Графу вырезку из газеты, которая выглядела так, словно ее носили в бумажнике. Отмеченное сообщение гласило:

Сдается внаем. С 1-го мая по 1-ое октября.

Большая гостиная, столовая, спальня. Кухня, комната прислуги, две ванны. Телефон. Исключительный порядок.

Обращаться к владельцу.

Затем следовал адрес дома, расположенного у фонтана «Самсон».

– Я подумала, что эта вырезка хранилась в бумажнике господина Мартинели, – продолжала госпожа Шафер. – Он мне говорил, что снял на лето квартиру в Берне. Еще на дне ведра я нашла конверт с адресом. Его написали с ошибкой, потом исправили и выбросили. Наверное, это ведро в качестве мусорной корзины. Уезжая, они все вытряхнули в печь, а эти бумажки прилипли ко дну. Они были в грязи и пыли, поэтому их не заметили. Конверт я выбросила.

– Честное слово, Лидия, вам, кажется, совсем не нужна помощь, – восхищенно сказал Граф, забыв о формальностях. – Вы в состоянии сами найти вашего знакомого. Но почему же вы выбросили конверт?

– А зачем его хранить – ведь в газетной вырезке был адрес.

– Но именно конверт является лучшим доказательством, что господин Мартинели вернулся на свою квартиру. Вам следовало написать. Лучше, конечно, звонить, но, вероятно, телефон в доме отключен по случаю войны.

– Но мне так и не удалось связаться с ним! – воскликнула госпожа Шафер. – Писать мне не хотелось. Вдруг он в самом деле забыл обо мне и об этой книге. Зачем же навязываться. Но мне все же казалось, что Шекспира-то надо вернуть. Я решила, что позвоню ему, когда вернусь в Берн. Ну вот, приехала я пятнадцатого числа и на почте набрала номер. Представляете, там телефон не отключен! Господин Мартинели живет в арендованных апартаментах, но у него отдельный аппарат, а соединить меня с той квартирой не могут.

– Интересно. Вероятно, в доме обосновался кто-то из чиновников или армейских – вот связь и есть. А коммутатора, похоже, нет. Или они экономят на телефонистке. А может, номер вашего знакомого не связан с телефонной системой дома. Или он – добропорядочный гражданин, живущий по законам военного времени.

– Мне что-то такое и наговорили. Посоветовали воспользоваться услугами почты. И наотрез отказались передавать устное сообщение!

– Почему же?

– Тот тип, что поднял трубку, заявил, что это не входит в его обязанности. И я почувствовала себя муравьем, пытающимся своротить громадные камень.

– Да, задачка. Но, должен сказать, ваш знакомый, вероятно, просто не хочет общаться с внешним миром.

– Он одинок, это верно. И все же у меня создалось впечатление, что его изолировали намеренно.

– Но вряд ли Шмид тому виной. В Шпице же Мартинели пользовался полной свободой? Он мог бы прогуляться до станции и уехать на поезде в любую точку страны, пока Шмид занимался покупками.

– Как бы то ни было, я не стала отсылать книгу. А вдруг она попадет в руки Шмида? Господин Мартинели не хотел, чтобы тот знал о наших беседах...

– А вам не приходило в голову, что господин Мартинели скрывал от Шмида всех своих знакомых?

– Может, и так... Но меня насторожили помеченные строфы и комментарии на полях книги.

– Какого рода?

– Не знаю. Стертые слова. Их толком не разобрать. В общем, книгу я не отослала. Думала, как-нибудь вечером рискну заявиться и попробую передать томик владельцу. Даже и через третьи руки... Но ехать туда лично мне очень не хотелось. Наконец, в прошлую среду после работы я опять позвонила, чтобы узнать, там ли еще мой знакомый. Мне ответили, что его недавно увезли в больницу Святого Дамиана. Они или не знали, или не хотели сказать, почему его увезли и надолго ли.

– Ну, в больнице Святого Дамиана он наверняка в безопасности.

– Это почти рядом с тем домом. Большая, старинная клиника, с садом за высоким каменным забором. Я была там на прошлой неделе и сегодня снова зашла. Мне сказали, что господин Мартинели отдыхает.

– Так всегда говорят.

– Но в прошлый визит я оставила там свой адрес и имя... Мне показалось, что я могу открыться, ведь Шмида-то в больнице скорее всего нет. Он же просто слуга. Но, знаете, господин Мартинели так и не отозвался!

– Нам не за что зацепиться, Лидия. В сущности, я могу по своим каналам разузнать о болезни Мартинели. Или хотя бы попытаться это сделать – видите ли, я почему-то сомневаюсь в успехе... Вы не стали передавать ему книгу. Почему?

– Девушка в приемном покое не проявила никакого участия. Я подумала, что томик может просто исчезнуть или будет переходить из рук в руки, пока, наконец, не вернется к хозяину. Вероятно, господин Мартинели очень болен, – добавила Лидия тихо. – Очевидно, он плохо себя чувствовал, когда уезжал из Шпица. Мне пришло в голову, что ключ к разгадке здесь. – И она потрясла томиком. – Вы посмотрите, пожалуйста, все эти пометки и стертые слова. Вот если бы вы восстановили все надписи... Господин Дроз говорил, что вы можете сделать все что угодно с рукописным текстом.

Глава 3

Шекспир. Господина Мартинели

Граф взял у Лидии томик Шекспира, повертел его так и этак, открыл и снова закрыл.

– Боюсь, я не заслуживаю комплиментов Дроза, – произнес он. – Я давным-давно не работал в лаборатории... По крайней мере, по-настоящему – с тех пор, как пять лет назад у меня появился ассистент. Я говорил ему, что нужно сделать, а как... он догадывался сам. Теперь он оберегает границы страны, а я больше не занимаюсь документами. Хотя книга господина Мартинели мне нравится. На вид, на ощупь.

– Помеченные отрывки... – начала Лидия.

– Нет-нет! Давайте вначале внимательно рассмотрим сам томик: снаружи и изнутри. Нужно продвигаться от общего к частному по мере исследования. Естественно, я сгораю от нетерпения взглянуть на помеченные места, – признался Граф, – но, как вы заметили, я даже не брал книгу в руки, пока не выслушал ваш рассказ. И вот теперь, наконец, я начинаю с ней знакомиться: это первый том шеститомного издания, толстая книга в блестящем переплете телячьей кожи, украшена изящным тиснением, золотой обрез. Кто такой, вы сказали, этот Конрадус М. Мартинели?

– Дед моего знакомого.

– Понятно – фамильная реликвия, однако, переплет в плачевном состоянии. Из титульного листа ясно, что это издание коллекционеров не заинтересует. Его рыночная стоимость нулевая. Переплет потертый, настолько потертый, что оставляет на моих брюках красновато-коричневые пятна. Очень старая кожа! Корешок отваливается. Половина его, фактически, уже отвалилась. – Граф ловко подхватил оторвавшийся кусочек и положил его на угол письменного стола. – Но сама книга в хорошем состоянии. Открывая ее, обнаруживаем, что если не обращать внимания на эти коричневые пятна, бумага, хоть и тонкая, сохранила упругость. Страницы выглядят абсолютно новыми. В верхней части титульного листа – твердая, несколько выцветшая подпись деда господина Мартинели. Была такая дурная привычка у наших предков. Ниже...

ПЬЕСЫ УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

В шести томах

Том I

...Еще ниже – небольшая гравюра. На ней изображены три колдуна, лохматых и бородастых, стирающих руки в сторону битвы. Напоминают трех разгневанных джентльменов в ночных рубашках. Похоже, собираются драться.

– Там много иллюстраций, – заметила Лидия.

– Да, именно об этом говорится в тексте на следующей странице:

Иллюстрированное издание Харпера

Множество гравюр

Драматические произведения Уильяма Шекспира.

*«Время, неумолимо стирающее следы других поэтов,
проходит мимо бесценного Шекспира,
не причинив ему вреда».*

– Из предисловия д-ра Джонсона.

Харпер и Братья, Клифф-стрит

1839

... Прекрасное издание, что и говорить. Ясный и четкий шрифт. Однако слишком мелкий и убористый. Читать Шекспира в таком издании – тяжело, Лидия, разве что при самом ярком дневном свете. Переворачивая страницу, находим:

Жизнь и творчество У. Шекспира
Написано Н. Роу, эсквайром

... Затем идет ранее процитированное предисловие доктора Джонсона к изданию 1773 года. Далее...

О Шекспире.
– Незабвенный Хейз из Итона...

... Так. Затем идут «Замечания о “Буре”», и наконец, сама «Буря». Странно...

– Странно? – с удивлением повторила Лидия.

– Странная подборка. Том открывает последнее произведение Шекспира. Вторым идут «Два веронца» – из ранних пьес, затем – «Виндзорские проказницы» – веселая комедия. Потом «Мера за меру» – мрачная драма, «Комедия ошибок» – милая и смешная история и, наконец, «Венецианский купец» – там всего понемногу, даже частичка трагедии. Не знаю, о чем думали составители, когда готовили этот сборник! Хотя, возможно, они просто переиздали более раннее собрание сочинений? Нам, Лидия, нужно выяснить, почему в поездку на озеро Тун господин Говард Мартинели взял с собой именно этот томик.

– А почему бы и нет? – растерянно спросила Лидия.

– Ну, вряд ли ему захотелось бы читать «Двух веронцев», «Комедию ошибок» или «Виндзорских проказниц» на необитаемом острове – если только он не в восторге от Фальстафа. Обычно в путешествие берут томик великих трагедий или сверкающих остроумием историй. Итак, у нас остаются «Мера за меру», «Купец» и «Буря». – Зеленоватые глаза Графа задумчиво смотрели на Лидию. – Вы давно перечитывали «Бурю»?

– Не уверена, что читала ее вообще.

– Это пьеса для чтения на необитаемом острове! В самый раз для больного! Спокойная, смиренно-настроенная, философская, с отгоревшими страстями. В определенных обстоятельствах – в случае болезни, тяжких переживаний, глубокой печали – правильный выбор.

Граф открыл томик и бросил небрежный взгляд на страницу.

– «... после чего под странный, глухой шум они исчезают», – прочел он вслух. – Какая пьеса! Интересно, а как они шумят? Что вы думаете по этому поводу, Лидия?

– Кто исчезает? – спросила Лидия.

– Нимфы и жнецы.

– Жнецы?

– Всего лишь видения. Часть представления, которое устроил Просперо. Вскоре, однако, он их прогоняет: «Исчезните. – Довольно». Позже он призывает только «музыку небес». А господину Говарду Мартинели нравилась «Буря»?

– Именно в «Буре» он пометил некоторые отрывки и стер пометки на полях.

– Ага! Что я говорил? Он взял эту книгу с собой как раз из-за «Бури». Иными словами, господин Говард Мартинели чувствовал себя постаревшим и больным.

– Он ничего не говорил об этой пьесе, – произнесла пораженная Лидия.

– Естественно, нет. Он и о болезни своей вам не говорил.

Госпожа Шафер помолчала, видимо, размышляя над словами Графа, а затем сухо сообщила:

– Помеченные отрывки находятся в начале пьесы.

– И вот первый из них. «Акт I. Сцена I». Боже мой!

У Лидии был торжествующий вид. Медленно и громко Граф прочитал вслух помеченный отрывок:

– Однако этот малый меня утешил: он отъявленный висельник, а кому суждено быть повешенным, тот не утонет. О Судьба, дай ему возможность дожить до виселицы. Сделай предназначенную ему веревку нашим якорным канатом: ведь от корабельного сейчас пользы мало. Если же ему не суждено...

– Ну и ну! – воскликнул Граф. – Кто-то очень не нравился вашему другу, господину Мартинели... Это очевидно. И вы полагаете, речь идет о его слуге?

– Возможно, мы узнали бы это наверняка, прочитав пометки на полях.

Граф поднял книгу, чтобы получше рассмотреть слабые отпечатки карандашной записи напротив отмеченных в тексте слов.

– Не видно, ничего не видно. Стирала долго и очень усердно, пользовались прекрасной резинкой, но призрачный след все же остался. Давайте посмотрим второй отрывок... Вот он. «Акт II, Сцена II». Точнее, три фразы:

...это безмозглое чудовище!

...ты, жалкое чудовище!

...Ну и простофиля же это несчастное чудовище. А ты неплохо лакаешь, чудовище, право слово!

...Ну и что же это нам дает? Если первая ремарка относится к Шмиду, то две другие явно нет. Может, это горькая попытка взглянуть на себя со стороны? Господин Мартинели говорит о себе?

– А по-моему, это означает, что он во власти Шмида.

– Да, Лидия, вам не дознаватель нужен, а карающий меч! Только не обижайтесь. А вот и вторая пометка на полях, вернее, ее следы, по всей странице. Написано без нажима, жестким карандашом. Удалено тщательно. Вряд ли я сумею восстановить эти записи.

– Но вы попытаетесь?

– Видите ли, Лидия, ваш знакомый писал это для себя, а вовсе не для того, чтобы кто-то читал его соображения. – Граф улыбнулся – казалось, его что-то позабавило. – По-видимому, заметки он стер перед тем, как дать книгу вам. Не хотел, чтобы вы их прочли. Стоит ли вытаскивать на свет божий чужие откровения просто из интеллектуального любопытства?

– Я не любопытна. Я только хочу удостовериться, что с ним все в порядке.

– А я любопытен, и даже очень. Но, по-моему, нам следует сначала покопаться в больничных архивах, а потом я возьмусь за эту работу. Признаться, она не слишком мне по душе... Да ладно. Интересно другое – поблагодарит ли вас господин Мартинели за эти хлопоты?

– Он ничего не узнает. Я не скажу ему.

– Думаете, так лучше? Но когда он поправится, и ваша дружба возобновится, вы могли бы вместе посмеяться над всей этой историей, включая ваше самовольное проникновение в старый дом, что в Шпице.

– Вряд ли его это порадует... Господин Граф, как восстанавливают стертые записи?

– И читают отпечатки? Ну, есть несколько способов. Холодные пары йода, например. Они конденсируются на странице и проявляют все что угодно. Но трудность в том, что страницу нужно сразу сфотографировать, поскольку йод испаряется, и восстановленные надписи бледнеют. Одному человеку это сделать сложно. А нам с вами соглядатаи не нужны. Если бы не конфиденциальность, я послал бы книгу своему другу в полицейскую лабораторию...

Госпожа Шафер побледнела и заерзала в кресле – похоже, мысль о полиции всерьез напугала ее.

– Иногда пользуются так называемым методом наложения, – продолжал Граф. – Он много сложнее: нужны покрытые коллоидом пластинки, а что с ними делают – я уже не помню. Лучше не вникать! Есть еще диапозитивный метод, поляризованный свет, получаемый от двух скрещенных лучей. Вам не очень интересно слушать о скрещенных лучах?

Лидия потрясла головой.

– Затем есть такая уловка: вы фотографируете обратную сторону страницы на просвет, и за счет светотени следы письма становятся более заметными. Кстати, если вы не измените свое решение во что бы то ни стало изучить стертые заметки, я, с божьей помощью, попытаюсь применить этот метод.

Лидия выглядела теперь ужасно расстроенной. И сконфуженной.

– Ужасно. Мне следовало прикинуть, во что это выльется. Господин Граф... если господин Мартинели попал в беду, а мы его вызволим, возможно, он будет рад заплатить вам.

– Если мы «вызволим его из беды» – как вы выражаетесь, – он вряд ли рассыплется в благодарностях, и подчеркнутые строфы в томике Шекспира красноречиво об этом свидетельствуют. Не беспокойтесь о плате. У меня есть аппаратура. Должен же я попрактиковаться с ней, если это без труда проделывал Стефан. Но главное, в сущности, не это – мне просто интересно... – Улыбнувшись, Граф вновь открыл Шекспира и просмотрел несколько страниц. – Действительно проблема. Вы оставите мне книгу господина Мартинели на некоторое время?

– Конечно, пусть она будет у вас, раз вы собираетесь работать над стертыми записями.

Граф встал, подошел к одному из металлических шкафчиков для картотеки и запер в нем томик Шекспира.

– Достаточно надежно и под рукой.

Посетительница кивнула. Граф неторопливо вернулся к своему креслу, но садиться не стал.

– Госпожа Шафер, а не поехать ли нам в больницу Святого Дамиана? – спросил он.

Лидия вскочила со стула, словно подброшенная пружиной.

– Прямо сейчас?

– А почему бы и нет? Еще только четверть восьмого. А больницы открыты для посетителей, по крайней мере, до девяти часов вечера...

Улица встретила их удушливым жаром.

– Тяжелый вечер.

Покинув дом, Граф и госпожа Лидия Шафер повернули на запад, к реке и трамвайной остановке. Желтое с лиловато-фиолетовыми прожилками небо над головой выглядело нездоровым. Ни единой живой души поблизости. Только сторож сидел без пиджака на ступеньках своего дома. Граф приветливо кивнул ему.

– Ни души, – констатировала Лидия.

– Словно чума прошла... Двор переехал в Кройдон. Кто-нибудь напишет прекрасное стихотворение о том, как с неба яркий свет пролился и лихорадку принес.

Шум над головой заставил их поднять глаза – там, в вышине, куда-то медленно, неторопливо смещаясь к северу, летел едва различимый аэроплан.

– Это всего лишь продукт нашего воспаленного воображения, – произнес Граф. – И он тоже исчезнет. На самом деле его там и не было.

– Мне нравятся эти новые кафе: в них много света и продаются полезные мелочи. – Госпожа Шафер показала на чисто вымытую витрину.

– Вот они действительно реальны. После больницы мы зайдем в то, что окажется поблизости. Вы выпьете кофе. Я всегда угощаю нового клиента. Поспешим, Лидия. Трамвай остановился перед светофором!

Глава 4

Больница святого Дамиана

Дверь трамвая открылась, водитель, словно вырезанный из дерева идол, неподвижно выжидал за рулем. Несколько похожих на манекены угрюмых пассажиров молчаливо переносили тяготы поездки. Граф протянул мрачному кондуктору деньги за проезд и проследовал за Лидией к выбранным ею местам возле входной двери. Тонкий крестик красного сигнала светофора сменился на зеленый, и автобус двинулся вверх по улице.

Лидия повернулась к Графу:

– Господин Граф...

– Да?

– Вы сказали, что знаете, почему мне ничего не сказали в больнице.

– Знаю? Скорее у меня есть несколько версий.

– А мне вы рассказать можете?

– Вряд ли вам понравится то, что бросается в глаза в первую очередь.

– Почему?

Он ответил вопросом на вопрос:

– Вы когда-нибудь сталкивались с наркоманами?

– С кем? – воскликнула Лидия с таким негодованием, что стало очевидно – ответ не нужен. – Вы имеете в виду тех, кто принимает морфий?

– Или кокаин, или другой наркотик.

– Вы полагаете, господин Мартинели наркоман?

– Для этого есть основания.

– Нет, он не такой.

– Вы уверены?

– Конечно. Я читала и слышала о них, а господин Мартинели не психовал и не дергался – напротив, был спокойным и естественным.

– Возможно, в то воскресенье, когда он не разрешил вам прийти, эти качества оставили его.

Лидия красноречиво промолчала. Тогда Граф вкрадчиво произнес:

– Это не должно пугать вас. Вы обратились ко мне, и теперь моя задача – оценить все версии, пока я не обнаружу ту, опровергнуть которую невозможно. А версия о наркомании, видите ли, проливает свет на некоторые вопросы.

– Вы так считаете?

– Давайте рассмотрим хотя бы ситуацию в Шпице. Допустим, Шмид поставлял наркотики для Мартинели откуда-то издалека. Возможно, нервозность Мартинели при виде машины Шмида объясняется весьма прозаически: он боялся, что тому не удалось раздобыть снадобье, или беспоколся о качестве товара. Вероятно, в предыдущий раз так и случилось. Ни для кого не секрет – трудности военного времени обогащают дельцов черного рынка, они наживаются на всем и всех, в том числе и на этих несчастных, сплавляя им сильно разбавленные, совершенно неэффективные препараты.

Зависимость наркомана от поставщика – абсолютная. Но и тот полностью зависит от потребителя его товара. Поэтому так опасны лишние свидетели. Вот Мартинели и не хотел, чтобы Шмид видел вас: он мог бы решить, что его подопечный невольно выдаст свой порок или доверится вам – поведение наркомана непредсказуемо. Разоблачение же обернулось бы для Шмида серьезными последствиями, ведь торговля наркотиками – уголовное преступление.

Изнурительный жар заставлял Графа понизить голос и почти не двигаться. И, тем не менее, он продолжал:

– Вот и помеченные в «Буре» отрывки. Моя версия легко объясняет их выбор: безвольный человек склонен обвинять в своих недостатках тех, кто потакает его слабостям. Вряд ли Мартинели благодарен Шмиду. Он скорее ненавидит своего клеветника, но, презирая этого рожденного для виселицы типа, не обманывается и на свой счет. Недаром же Мартинели называет себя слабохарактерным чудовищем, да еще и простофилей, которого надувает нахальный жулик.

Предположим, однажды товар не поступил или оказался испорченным. Мартинели на грани нервного истощения. Они должны немедленно вернуться в Берн, где, по-видимому, находится источник зелья. Но когда они добирются до квартиры, Мартинели становится совсем плохо. Напуганный Шмид бросается на поиски врача и, отыскав его, вынужден изворачиваться. Скорее всего, представившись слугой, которому платят за контроль над наркоманом, он придумал правдоподобную историю о том, как изворотливому пациенту удалось обвести его вокруг пальца. И плачевный результат – налицо.

Критическое состояние Мартинели вынуждает врача немедленно принять решение о госпитализации, а в больнице, естественно, не хотят афишировать поставленный диагноз. Ни один врач ни за что вам этого не скажет, особенно если он... но я, кажется, дал волю своему воображению, не так ли? – прервал Граф свой монолог и, приветливо улыбнувшись, взглянул на молчаливую спутницу. Та, не отрываясь, смотрела на него округлившимися от удивления глазами, и он продолжил: – Если все дело в этом, то, скорее всего, Мартинели повстречал Шмида не в Тиле, а привез с собой из Женевы или изерна. Это уже установившаяся связь палача и жертвы, что и объясняет изоляцию Мартинели и его страх перед Шмидом. Ваша интуиция позволила вам почувствовать преступную сущность Шмида. Мы также нашли объяснение их внезапному бегству в Берн и уединенному образу жизни здесь. Можно понять и рассеянность Мартинели. В подобном состоянии он, естественно, забыл и свой томик Шекспира, и своего нового друга...

Прервав его, женщина убежденно произнесла:

– Если бы вы знали господина Мартинели, то никогда не посчитали бы его наркоманом.

– Хорошо, – согласился Граф. – Я же не говорил, что эта версия объясняет все. Кстати, как и предположение, что Мартинели страдал алкоголизмом.

– Он не алкоголик!

– По виду этого не определишь.

– Уверяю вас – у него не было дурных пристрастий!

– Вряд ли он принялся бы проявлять свои пристрастия в незнакомом месте.

– Само собой.

– Ну, так бутылки со спиртным могли быть у Шмида в машине. 3-го июля у Мартинели начинается горячка. Шмид отправляет письмо в Берн – ах, если бы вы сохранили тот конверт с образчиком его почерка! – а потом привозит его в город, пока тот еще может передвигаться. Начиная с 6-го июля Мартинели прикован к постели. Острая стадия алкоголизма – это очень серьезно. Врач, больница, никаих справок для посетителей – все то же самое, как и в случае наркомании.

– Неужели вы думаете, – возмутилась Лидия, – что алкоголик способен читать «Бурю»?

– А что тут удивительного? Она бы прямоком унесла столь своеобразного читателя из этого мира туда, где странные, неясные, гулкие звуки почти не слышны, а ужимки и гримасы – обычное дело.

– И все-таки он не алкоголик!

– Но может быть еще и шантаж, – продолжал Граф, словно говоря сам с собой. – И по каким-то причинам Мартинели вынужден держать шантажиста у себя в доме, да еще и платить ему. Но все так зыбко – мы слишком мало знаем о вашем знакомом и абсолютно ничего – о его финансовых делах.

– Не думаю, что господина Мартинели было чем шантажировать, – чуть ли не с отчаянием произнесла Лидия.

– вспомните, он считает себя слабым, морально слабым, а такие люди – легкая добыча для шантажистов. Но меня вдруг осенило...

– Что на этот раз? – сухо поинтересовалась Лидия.

– Любопытно, стал бы Мартинели подчеркивать отрывки, отражавшие характер Шмида, если бы тот мог увидеть его пометки? Или Шмиду безразлично, что Мартинели считает его рожденным для виселицы?

– Вряд ли такой тип, как Шмид, когда-нибудь заглядывал в книгу, тем более Шекспира.

– Остается положиться на ваше слово, – согласился Граф, чувствуя себя словно выжатый лимон.

Разговор иссяк, Лидия отвернулась к окну. Граф, глядя на ее суровый профиль, подумал, как много, по-видимому, значила для нее дружба с этим пожилым, образованным, мягким человеком. И чтобы сберечь эту искру добра, женщина поступила совершенно несвойственно для себя: судя по всему, она никому не станет навязывать свое, а уж тем более – преследуя собственные цели. Зная Мартинели, она уверена, что подобный финал их знакомства возможен лишь в случае вмешательства чужой воли или смерти. И тогда – вопреки природной сдержанности и скромности – решает любой ценой выяснить, не применяли ли к нему насилие и вообще свободен ли он.

Можно предположить, что знакомство с Мартинели стало самым интересным событием в ее однообразной, лишенной красок жизни.

Делая остановки перед светофорами или для того, чтобы впустить или выпустить разгоревшихся жарой пассажиров, трамвай скользнул вдоль Аары, свернул, затем пополз вверх. Лидия, наконец, повернулась к Графу.

– Выходим.

Как только трамвай остановился, они выбрались из него и сквозь знойные сумерки пешком продолжили путь по темным улицам. На очередном перекрестке взглядам прохожих предстал огромный старый платан, узловатые ветви которого нависали над улицей из-за стены из песчаника.

– Кажется я никогда прежде не видел эту больницу, – проговорил Граф. – Или просто забыл?

– Главный вход не здесь, а дальше по улице, за углом, – пояснила Лидия.

– Давайте прежде всего обойдем квартал.

– Чтобы все осмотреть снаружи?

– Мне думается – сначала надо приглядеться, разве не так? Вспомните, как вы делаете покупки, – рассмеялся Граф.

Лидия чувствовала себя в обществе интересного, предупредительного мужчины легко и свободно и вряд ли задумывалась над тем, что эту непринужденную атмосферу создавал ее спутник. Ей льстило его внимание, и она стала чаще улыбаться – уголком рта.

Они довольно долго шли вдоль высокой стены вверх по аллее и повернули на другую улицу. Там, в глухом заборе, оказались старые деревянные двери, окрашенные зеленой краской и запертые на висячий замок. Из-за ограды больничного участка сквозь листву деревьев выглянула черепичная крыша небольшого, отдельно стоящего здания.

– Прачечная, наверное? – предположила Лидия.

– Скорее морг. Заведение с историей. Похоже, Мартинели выбрал себе врача старой школы.

Теперь они довольно хорошо ознакомились с расположением зданий. Большой лечебный корпус занимал юго-восточный угол квартала. Это оказалось строение с некоторыми признаками готического стиля, сказавшегося в архитектуре стрельчатых окон, высокого дверного

проема и каменного крыльца с широкими ступенями. На одной из дубовых створок двери красовалась начищенная бронзовая табличка с надписью готическим шрифтом: «Больница Св. Дамиана». Другая створка была приоткрыта.

– Разве не следовало сначала позвонить? – опасливо спросила Лидия, когда Граф быстро прошел с ней в плохо освещенную приемную.

– Зачем же? Сейчас всего без четверти девять.

– Еще рассердятся, что мы вошли без звонка.

– Вряд ли. Им же не пришлось отвечать еще и на звонок! В больницах сейчас мало санитаров, а тем более швейцаров.

Стены высокой, но довольно узкой приемной были отделаны отполированными до блеска панелями из светлого дуба, а пол выложен плиткой красного и желтого цветов. В нише вдоль правой стены стояла скамья, а несколько дальше виднелось окно регистратуры. Граф предложил Лидии устроиться на скамейке, а сам заглянул в окошечко: в глубине помещения возле картотеки сидела молодая женщина и читала сатирический журнал «Маленький швейцарец». Граф, несколько удивленный выбором юной особы, легонько постучал о полку под окном. Дежурная, аккуратно загнув уголок страницы, отложила чтиво на полку и подошла к посетителю.

– Да?

– Я хотел бы узнать о состоянии господина Говарда Мартинели.

– Мартинели? Минуточку. Я только что заступила.

Она повернулась и зашелестела страницами журнала регистрации.

– Вы родственник? – поинтересовалась она.

– Нет, я спрашиваю по просьбе друга господина Мартинели.

Девушка снова перелистала страницы.

– Вспомнила теперь. Вот эта запись. Господин Мартинели умер сегодня утром.

Граф взглянул направо – напряженно выглядывавшая из ниши Лидия на мгновение замерла, услышав слова дежурной, а затем медленно откинулась назад и оперлась о стену. Лицо ее утратило всякое выражение.

Граф опять повернулся к окошку.

– Я этого не ожидал... Можно узнать подробности? – глотнув произнес он.

– Минуточку.

Девушка скрылась за дверью в глубине комнаты. Вернулась она с невысоким седым человеком в очках. Тот вышел в холл через дверь в перегородке и приветливо обратился к Графу:

– Рад познакомиться с другом господина Мартинели.

– Точнее – другом его друга.

– А-а, той дамы, которая ранее справлялась о нем? Дежурная говорила мне, что некая молодая особа приходила сюда вчера вечером и, кажется, неделю назад. Помнится, они познакомились этим летом.

– Все верно.

Человек в очках не замечал Лидию: ее скрывала тень. Он продолжал:

– Запрос задокументировали и доложили о нем в администрацию. Но лечащий врач господина Мартинели предупреждал, что больного нельзя волновать – тем более передавать записки. Правда, такие строгости и не понадобились: уже спустя час после прибытия к нам, на прошлой неделе, господин Мартинели потерял сознание, да так больше и не очнулся... Эта госпожа Шафер... Ее фамилия Шафер, я правильно помню?

– Да.

– Она оставила свой адрес на прошлой неделе. Вас не затруднит сообщить ей, что господин Мартинели умер сегодня утром, в восемь часов, а тело передано в ведение похоронной

конторы Галлер? Они намерены отправить тело покойного в Тун завтра утром, чтобы похоронить на семейном кладбище в Шпице.

– Благодарю вас, я передам.

– Так распорядился сам господин Мартинели. Такой необычный случай. Но он и сам оказался необычным человеком: все было продумано заранее, оплачено до последнего раппена... Наличными. Выправлены счета по всем статьям расходов, включая лечение и стоимость отправки останков в Шпцу. Я так понял, что дальше всем займутся люди на месте. Мы перешлем счета и остаток наличных в банк кантона Женева, клиентом которого являлся господин Мартинели. Когда все произошло, мы уведомили служащих о безвременной кончине несчастного, не тратя ни минуты.

– Кремация?..

– Нет, и это единственное, что я мог бы покритиковать в его распоряжениях. Это существенно упростило бы процедуру, учитывая нынешние трудности с перевозками. Но господин Мартинели не давал указаний о кремации.

– А кто его лечащий врач?

– Доктор Флориан Троллингер, – не задумываясь, ответил словоохотливый пожилой господин. – Он связан с этой больницей гораздо дольше, чем я. Кстати, позвольте представиться: ночной дежурный врач Вонгунтен... Господин Троллингер – квалифицированный медик. Всю свою профессиональную жизнь он работает в контакте с больницей Святого Дамиана. Сейчас он практикует, но одно время, насколько мне известно, специализировался исключительно на диагностике, и весьма успешно.

– А от чего умер господин Мартинели, господин Вонгунтен?

– Я думал, вы знаете. От лейкемии, от острой формы лейкемии.

– Вот как... Это, кажется, совершенно неизлечимо?

– Пока да. Однако медицина, как вы знаете, не стоит на месте, – ответил Вонгунтен с улыбкой. – Справятся, надеюсь, и с лейкемией.

– Диагноз поставил доктор Троллингер?

– Да, более трех недель назад. Я так понимаю, что господин Мартинели и его сопровождающий – слуга или что-то в этом роде – вернулись в Берн шестого числа, во второй половине дня, из Шпица, где у господина Мартинели произошло внезапное кровоизлияние. Он, по-моему, занимался в этом городке наследственными делами. Вы знаете, что кровоизлияние – один из симптомов этой болезни?

– Нет, я не врач.

– Ага. А второе произошло уже в Берне. Как мне рассказывали, слуга испугался, выскочил на улицу и обратился к ближайшему доктору – его приемная как раз за углом.

– Господину Мартинели повезло с врачом.

– И не говорите. Господин Мартинели, правда, отказался от лечения, а до последней среды, до двадцать первого числа, отказывался и от госпитализации. Вообще-то, лейкемия – любопытная болезнь. Представьте себе, когда они с доктором Троллингером приехали в такси сюда, господин Мартинели казался абсолютно здоровым человеком, разве что несколько слабым. Он уладил все дела, о которых я говорил, заплатил нам наличными, затем... – Вонгунтен воздел руки к небу, потом обреченно опустил их. – Казалось, что он сдал окончательно. Когда мы сделали первый анализ на гемоглобин, господин... э...

– Граф.

– Господин Граф, мы просто удивились – как он смог продержаться так долго! Я уже говорил – это странная болезнь.

– Да, кое-что я о ней слышал.

– Сначала постепенный упадок сил, затем быстрое истощение и смерть. Естественно, в каждом случае есть свои особенности.

– Поскольку анализы оказались такими плохими, господина Мартинели не стали мучить бессмысленными процедурами?

Господин Вонгунтен улыбнулся.

– Личный врач – в безнадежных случаях – вправе идти на поводу у своего пациента, господин Граф. Мы же в клинике продолжаем бороться за жизнь каждого больного до самого конца.

– Рентгенотерапия и все такое прочее?

– И переливание крови. Мы никогда не сдаемся. Но в данном случае это ничего не дало...

– Я бесконечно благодарен вам, господин Вонгунтен...

– Да, вот еще что. Фирма Галлер, вероятно, хотела бы организовать небольшую траурную церемонию, и там с радостью приветствовали бы друзей господина Мартинели. Вот если бы госпожа Шафер могла заглянуть туда... У господина Мартинели нет близких. Он одинокий человек. Весьма печально.

– Я передам госпоже Шафер.

Граф повернулся к скамье, и тут господин Вонгунтен впервые увидел Лидию. Он неловко замолчал, удивленно поглядывая то на нее, то на Графа, потом растерянно всплеснул руками и, залившись краской, скрылся за перегородкой.

Девушка в регистратуре снова углубилась в свой журнал. Граф, довольный тем, что больше никто не обращал на них внимание, присел рядом с Лидией и, коснувшись ее плеча, тихо произнес:

– Жаль. Но он больше не страдает.

В ответ Лидия горько проговорила:

– Наркотики! Ах, как же вы...

– Простите. Но это казалось вполне вероятным.

– А что такое лейкемия?

– Я знаю несколько больше, чем пытался показать Вонгунтену, – просто хотел, чтобы он разговорился. Это разрушение белых кровяных телец – смертельно опасная болезнь.

– Болеют долго?

– Не всегда. Сроки могут быть самыми разными.

– Выходит, он знал, что умрет?

– То есть, знал ли об этом Мартинели, когда жил в Шпице?

– Так вот почему он так себя вел... Теперь мне ясно! Как будто покончил со всем.

– Его доктор сказал в больнице, что впервые поставил этот диагноз в Берне шестого июля.

– Нет, господин Граф. Здесь какая-то ошибка. Господин Мартинели знал о своей болезни много раньше. Шмид, по-видимому, выполнял роль сиделки и следил, чтобы больной не переутомлялся, в том числе – и от разговоров. А господин Мартинели, возможно, забывал о своей болезни во время наших бесед. А потом увидел Шмида и внезапно вспомнил, что должен умереть. Неудивительно, что он так испугался.

Граф промолчал.

– Понятно теперь, почему он забыл и обо мне, и о книге. У него началось обострение. А после того, как он вернулся в Берн, стало еще хуже. Ничего странного, что он обо всем забыл. – Собственные объяснения, казалось, успокоили Лидию.

– Но о делах-то он помнил.

– О делах напомнила ситуация.

– Пожалуй, только одна вещь подтверждает вашу версию, Лидия, – «Буря». Это как раз такая пьеса, которую берут с собой в последний путь. Но тогда почему он скрыл тот факт, что Шмид за ним ухаживает, и говорил всем, в том числе и вам, о своем знакомстве с ним в Туне?

– Может, просто не хотел пересудов о своей болезни?

– Что ж, тогда мы прекращаем расследование? – улыбнулся ей Граф. – И вы не хотите узнать, почему ваш друг подчеркнул те отрывки и сделал пометки на полях книги?

Захваченная врасплох этим напоминанием, Лидия нерешительно произнесла:

– Я забыла о них. По всей видимости, он стер их потому, что там были рассуждения о смерти, а он не хотел, чтобы я об этом прочла.

– Подчеркнутые места не о смерти. Первый, например, о повешении, но это нечто вроде шутки.

Последовала длинная пауза. Затем Лидия почти шепотом проговорила:

– Что-то все-таки тут нечисто! Что же тут кроется?

Граф так же тихо ответил:

– Мы могли бы попытаться выяснить. Полагаю, он действительно умер от лейкемии. – Ее глаза округлились. – Делали анализ крови – я специально спросил. Завтра я выясню, можно ли симулировать или искусственно вызвать лейкемию. Что касается возможного жульничества с целью получения страховки, то тут мы ничего не знаем. Однако, можно предположить, что дело не в этом, потому что господина Мартинели не кремировали.

– Я не понимаю.

– Скажем, некто, по имени Мартинели, боится свою жизнь, завещая страховку человеку по имени Шмид. Находят третье лицо, заинтересованное в материальном обеспечении своих наследников. В данном случае – смертельно больного лейкемией. Затем усопшего хоронят под именем Мартинели, а оставшиеся в живых жулики – в том числе и Троллингер – делят страховку. Но в таких случаях всегда, или почти всегда, тело подлежит уничтожению. Часто путем кремации.

– Почему? – спросила Лидия с искренним непониманием.

– Потому что страховые компании относятся настороженно к внезапным смертям своих клиентов, особенно в случае больших сумм. Они нанимают опытных следователей, чтобы защитить себя от подобного мошенничества. Мой друг Шваб служил в страховой компании – сейчас он перешел в тайную полицию – и знает всю подноготную подобной работы. Дело доходит даже до эксгумации, а потому ни один мошенник, специализирующийся по страховкам, не пойдет на такой риск.

Возмущение Лидии не знало границ. Яростным шепотом она выпалила:

– Господин Мартинели ни за что не стал бы никого надувать из-за денег, даже страховую компанию. Выбросите это из головы!

– Не волнуйтесь так. Мы сами в состоянии подтвердить или разрушить эту версию, – спокойно ответил Граф.

– Сами?..

– Конечно. Мы успели как раз вовремя. Вы не возражали бы нанести визит в похоронное бюро Галлер и попрощаться с вашим другом?

– Я бы все отдала за это!

– Вот это деловой разговор! Вижу, вас воспитали в должном уважении к последнему акту жизни.

– И мне позволят взглянуть на него?

– Если сделать правильный вывод из слов Вонгунтена, они не только позволят, но будут просто счастливы видеть вас. Такие фирмы, как Галлер, берегут свою репутацию и предпочитают проводить опознание тела. Они прекрасно знают о мошенничестве со страховками.

– Вы думаете, там будет открыто?

– Похоронные бюро такого уровня открыты круглосуточно.

Глава 5

Печальная церемония

В больнице святого Дамиана Графа снабдили адресом похоронного бюро Галлер, находившегося неподалеку – к юго-западу. И вскоре Граф и его спутница остановились перед обителью скорби. Бюро занимало два нижних этажа недавно отремонтированного старинного углового дома, величественного, благодаря аркадам, и не слишком мрачного, с неизменными цветами на всех подоконниках. Фирма располагала собственным гаражом, находившимся в переулке, и цветочным магазинчиком для скорбящих родственников в вестибюле справа от входа. Там царил приятная прохлада и витали странные ароматы.

– Мне бы хотелось купить цветы, – нерешительно проговорила она.

– Они чертовски дороги по нынешним временам, Лидия. Мартинели вряд ли одобрил бы подобные траты.

– Кажется, те махровые петунии подходят...

Букетик обошелся недорого в результате нехитрой комбинации: пока женщина рассматривала цветы, Граф поймал взгляд продавца и, подняв вверх палец, показал зажатые в другой руке банкноты. Понимающий кивок, и вот уже петунии ценой в один франк в руках у Лидии, а Граф и продавец скрылись за великолепной композицией из лилий высотой в шесть футов. Еще два франка перешли из рук в руки.

От цветочного магазина Граф и Лидия заглянули в отделанную черным и белым мрамором приемную фирмы Галлер, где стояли несколько стульев и задумчиво прохаживался неопределенного возраста человек во фраке.

– Словно ждет нас, – удивилась госпожа Шафер.

– В некотором роде да. «Они собирают все смертное...»

– «...холодными бессмертными руками», – закончила Лидия. – Господин Мартинели любил это стихотворение. Он часто читал его мне.

– Честное слово, я начинаю думать, что вы были правы. Возможно, в Шпице Мартинели еще не знал, что обречен, однако приговор Троллингера не оказался для него неожиданным. Вопрос в том, кто кого обманывал: Мартинели, демонстрируя неосведомленность, или Троллингер, делая вид, что пациенту не известен диагноз?

Предствитель фирмы торопливо подошел к посетителям.

– Нас направили сюда из больницы Святого Дамиана, – объяснил Граф. – Фирма Галлер, по их словам, взяла на себя заботы о покойном Говарде Мартинели.

– Да, господин. – Молодой человек проявил к ним более чем вежливый интерес. – Вы друзья усопшего?

– Эта дама знала господина Мартинели.

– Пожалуйста, подождите здесь, я приглашу младшего партнера фирмы – молодого господина Галлера.

В приемной не обнаруживалось ничего похоронного, если не принимать гравюру Илийского собора за напоминание о конечной судьбе каждого смертного. С настороженным видом Лидия присела на стул с ситцевой обивкой. Внезапно она объявила:

– Забавно.

– Забавно?

– Теперь, когда он умер, от нас ничего не скрывают.

– Да, потому что теперь никто не может причинить ему вреда – ни мы, ни кто-нибудь другой.

Заскрипела дверь, и откуда-то из глубины здания к посетителям вышел молодой Галлер – симпатичный парень, темноволосый и серьезный, одетый элегантно, но скромно. Выглядел он умиротворенным и словно излучал дружелюбие.

– Мы чрезвычайно рады познакомиться с друзьями покойного господина Мартинели, – произнес господин Галлер, подтверждая словами отмеченное посетителями удовольствие от их визита.

Граф, назвав себя и представив Лидию, пустился в объяснения:

– Я лично не знал господина Мартинели, а госпожа Шафер познакомилась с ним лишь этим летом. Однако ее потрясло известие о его кончине. Она не знала, что господин Мартинели серьезно болен, пока ей не сказали на съемной квартире, что его увезли в больницу Святого Дамиана. Мы сейчас оттуда.

Сочувственно обратившись к Лидии, господин Галлер объяснил, что последнее обострение оказалось внезапным.

– Признаюсь, мы считали, что господин Мартинели одинок – у него нет родственников, и, насколько мне известно, он не упоминал о друзьях.

– Я встретила с ним этим летом в Шпице, – пояснила Лидия.

– Очень удачно, что вы сейчас в городе, госпожа Шафер. Посещение друзей так трогательно и приятно. Указания господина Мартинели выполнены до последней буквы, и нам хочется, чтобы и близкие усопшего по достоинству оценили наши хлопоты. Мы уже связались с соответствующими службами в Шпице и даже перевели плату за хлопоты.

Граф посмотрел на него с вежливым удивлением. В ответ на немой вопрос господин Галлер пояснил:

– Все подробности оговорены господином Мартинели перед его кончиной. Смета расходов – весьма щедрая. Больнице Святого Дамиана уважаемый клиент выдал аванс наличными. Часть этих денег сейчас передана нам, и из нашей доли мы оплатили расходы в Шпице. Господин Мартинели должен быть похоронен на семейном участке, за церемонией погребения, которая состоится послезавтра, присмотрит пастор Ольгерд.

– Я знаю его, и кладбище тоже, – заметила Лидия. – У нас там участок. Оттуда открывается такой дивный вид на озеро...

Такое совпадение растрогало господина Галлера, поэтому он сказал:

– Нам сообщили, что на участке семейства Мартинели давно никого не хоронили, лишь прошлой весной там нашел последний приют его дядя. Семья рассеяна по городам и весям, да и сам господин Мартинели жил в Женеве. Это... – Младший компаньон похоронного бюро многозначительно взглянул на Графа. – Это в некотором роде объясняет причину того, что он заплатил наличными. Ему, мне кажется, не хотелось затягивать оформление наследства.

– Предусмотрительный человек!

– Насколько мне известно, он занимался архитектурой и строительством.

– Это вам в больнице сказали?

– Кажется, он говорил об этом своему доктору.

Господин Галлер взглянул на букет в руках Лидии.

– Вы хотели оставить цветы здесь, госпожа Шафер?

– Если можно.

– Не хотели бы вы – некоторым людям, правда, это не нравится – взглянуть... на господина Мартинели?

– Да, очень!

– Прекрасно. Подождите несколько минут.

Младший компаньон фирмы исчез в холле.

– Он ужасно мил, не правда ли? – спросила Лидия.

– А что я вам говорил? Он просто в восторге. Обратите внимание – гроб пока не закрыт, хотя усопшего должны отправить в Тун утренним поездом, а сейчас уже половина десятого.

– Господин Граф, какое глупое предположение. Разве может выйти так, что это не господин Мартинели! Неужели кто-нибудь другой успел бы занять его место? Это невозможно!

– А по дороге из Шпица?

– Но его разоблачили бы на квартире. Ее снимал в конце мая лично господин Мартинели.

– Вы уверены?.. Это я проверю завтра, – решительно произнес Граф. – Но даже если и так, подмена могла быть совершена в авто.

– В каком авто?

– Доктор Троллингер отвез его в больницу на авто.

Совершенно ошеломленная, Лидия проговорила:

– Я никогда не слышала о такой... такой...

– Кажется, мне предстоит встреча с доктором Троллингером.

Вернувшись, молодой Галлер с торжественно-серьезным видом проводил посетителей через маленький внутренний зал к двойным дверям, за которыми находилось нечто вроде часовни.

Посредине мозаичного пола возвышался на катафалке задрапированный гроб.

Возможно, он стоял здесь с утра. Но даже если, как подозревал Граф, его только что вкатили из какого-то помещения поменьше.

Похоронное бюро Галлер ни в чем нельзя было упрекнуть.

Не желая мешать прощанию, молодой Галлер остался у двери. Лидия, сопровождаемая Графом, подошла к гробу и, взглянув на покойника, положила пурпурные петунии на траурный покров еще более яркого пурпурного цвета. Потом отвернулась.

– Бедный господин Мартинели, – прошептала она. – Он выглядит прекрасно. Даже не подумаешь, что его убила болезнь.

Галлер заговорил от двери таким тоном, как будто услышал лестный комплимент:

– Это все лейкемия, госпожа Шафер. До самого конца и не подумаешь, что пациент болен. Следов не видно и после смерти.

Граф помедлил у гроба, вглядываясь в спокойное, приятное, спящее лицо покойника. Умный лоб, светлые волосы зачесаны наверх, тонкий, изящный нос, добрый рот... Нижняя часть лица ничего примечательного собой не представляла, однако не отражала и особой слабости характера. И уж, конечно, Мартинели совсем не походил на заурядного мошенника.

Граф подошел к дверям. Лидия тем временем обратилась к Галлеру:

– Не знаю, как и благодарить вас!

– Мы всегда рады угодить клиентам.

Галлер проводил посетителей до дверей своего заведения и постоял под аркой, провожая их взглядом. Когда Граф и грустная Лидия скрылись за углом, он повернулся, вошел в здание и затворил дверь – прямоугольник света исчез вместе с ним.

– Надеюсь, вы довольны, – еще раз упрекнула своего спутника Лидия.

– Весьма. Получить свидетельские показания из первых рук – редкая удача.

– Теперь вы видели его. Вы можете себе представить, что он выманивает у кого-то деньги?

– Нет. Теперь нет. Но вряд ли это лицо сильного человека – скорее, он был слабохарактерным.

– Вы же видели его только после смерти, – возразила девушка.

– Мертвые не управляют собой.

– Он не казался слабым.

– Но он считал себя слабым – если мы правильно толкуем подчеркнутые отрывки.

– Если бы вы слышали, как он говорил. – Голос Лидии звучал мечтательно.

– Они могут заговорить нас до смерти.

– Кто они? – не поняла собеседница.

– Эти очаровательные книголюбы. Не хочу чем-либо очернить память господина Мартинели, но, полагаю, нам следует проанализировать его характер. По вашим словам, он боялся своего слуги, и я склонен думать, ваше мнение абсолютно точно. Он боялся признаться в своей дружбе с вами, как бы высоко ни ценил ее в своем одиночестве. Он боялся хоть как-то объяснить, почему уехал из Шпица, не уведомив вас.

– Это все болезнь. Господи, да никто и никогда не думал обо мне больше, чем господин Мартинели, – мрачно добавила Лидия.

Граф взглянул на нее с высоты своего роста и подумал, что, скорее всего, молодая женщина говорит правду. Ее однообразная жизнь вряд ли изменится с годами. Инициатива, находчивость – это не про Лидию. Теперь же она выглядела совершенно одинокой.

– Давайте заглянем в кафе, которые вам так нравятся, – предложил Граф. – Предлагаю вам провести полчаса за кофе-гляссе, затем я провожу вас домой и постараюсь связаться с Троллингером.

– Сегодня вечером?

Граф посмотрел на часы.

– Сейчас только четверть одиннадцатого. Скорее всего он еще в своем кабинете, а если его там не будет, я загляну к нему домой. Троллингер – связующее звено между нами, Мартинели и Шмидом. Не хочу, чтобы он успел забыть подробности, которые могут оказаться ценными для нас.

– Ну если это он убил Мартинели, вряд ли он такое забудет!

– Судя по выражению вашего лица, я понимаю, вы относитесь к этой версии еще легкомысленнее, чем я, – улыбаясь, заметил Граф.

– Вряд ли он сумел одурачить больничного персонал.

– Имитируя лейкемию? Я тоже в это не верю. Но стоит убедиться, что он не мог этого сделать.

– Может, лучше вам встретиться с ним поскорее? Не нужно меня провожать. Если бы я не ходила одна по вечерам, то никогда не бывала бы в театре и в кинематографе. Я сяду на трамвай – он останавливается недалеко от моего дома. – Когда они добрались до кафе, Лидия печально добавила: – Я даже не поблагодарила вас, господин Граф. А если бы не вы, я не попала бы в больницу и в похоронное бюро. Не понимаю, почему я все время спорю с вами.

– В споре рождается истина. Но больше я не дам вам повода для возражений, пока не увижу Троллингера и не восстановлю – хотя бы попытаюсь! – пометки Мартинели.

– Господин Граф, я не знаю, откуда вдруг такое нахальство, но я хотела бы попросить вас... – она замялась.

– Смелее. Что еще?

– Я просто умираю от желания узнать, что скажет доктор Троллингер.

– У нас одинаковые желания! И вы хотите, чтобы я сообщил о результатах визита сегодня же? В этом дело, да? Мне разрешено пользоваться телефоном, но...

– Да, я понимаю, – Лидия неуверенно взглянула на собеседника. – Моя квартирная хозяйка – очень милая женщина, но таких привилегий от властей у нее нет. Но думаю, она не станет возражать, если я устроюсь в гостиной и введу вас, – поспешно продолжила Лидия. – Я не стала бы предлагать...

– Договорились, – прервал ее Граф. – Я приеду. Воспользуюсь трамваем – так траты времени и денег минимальны, если вас это волнует. Конечно, если владелица квартиры не против визитов малознакомых мужчин – не следует раздражать квартирную хозяйку, и уж во всяком случае – не на третий день проживания у нее! – Лидия решительно потрясла головой – дескать, все в порядке. – Кстати, я могу появиться не слишком и поздно. К Троллингеру я отправлюсь на авто – полагаю, отсюда до него не более трех минут.

– Вы просто замечательный человек.

Кафе, отличавшееся весьма незамысловатым интерьером, встретило посетителей светом и музыкой – в углу шипел патефон, режущие ухо мелодии заставили Графа поморщиться. За столиками сидели женщины, девушки и несколько молодых людей в военной форме – вероятно, находящиеся в краткосрочном отпуске. Сухопарая буфетчица перетирала чашки. Дивно пахло кофе и шоколадом. На блюде лежали пышные булочки. Лидия повеселела и показала на них.

– Подумать только! А говорят, муки в Берне осталось на пару дней!

– Тут и шоколад есть, и мороженое. А еще, наверняка, где-то ждет разрешения на свободное пользование телефоном телефонная книга.

Граф заплатил за заказ и, разыскав для Лидии свободное местечко, вернулся к стойке – полистать справочник. Когда он вернулся, Лидия с удовольствием потягивала свой кофе-гляссе. Граф записал адрес молодой женщины, кивнул и направился к двери. Последнее, что запомнилось ему, – круглые внимательные глаза девушки и ее керамический стаканчик с двумя соломинками, напомнившими Графу флейту Пана.

Он поехал вверх по улице Кирхенфельд, отпустил таксомотор, не доезжая до квартиры Мартинели, и медленно прошелся сначала под арками здания, а после – по противоположной стороне улицы. Ни на окнах, прикрытых тяжелыми занавесками, ни на дверях Граф не заметил вывески доктора. Не обнаружилась она за углом. Тогда он направился по очень узкому переулку к параллельной улице. Тут плечом к плечу стоял ряд частных домов, за ними прятались прачечная, лавка сантехнических принадлежностей, небольшой магазин канцелярских товаров...

Здесь, в районе Кирхенфельд-Шоссхальд, поражал резкий переход от роскоши к честной бедности, и от честной бедности – к грязной нищете и убогости.

Граф продолжал внимательно осматриваться по сторонам и, наконец, в эркере дома рядом с Кирхенфельд заметил вывеску. Она гласила:

*Флориан Троллингер, доктор медицины
Часы приема: 12:00–13:00, 20:00–22:00*

За окнами, задернутыми занавесями – наверное, кабинета доктора, – горел свет, так же, как в эркере – этажом выше.

Граф покрутил головой: дом напротив, в котором сдавались внаем меблированные комнаты, угрюмо смотрел на него многочисленными окнами. На углу светилась витрина убогого кафе. К тротуару приткнулась древняя «мартини».

В подобном месте уважающий себя медик мог держать практику только в том случае, если бы и жил здесь. И, совершенно очевидно, в доме, где Мартинели нанял квартиру, о существовании врачебного кабинета на задворках даже не подозревали.

В вестибюле пестрели звонки и таблички с именами. Граф нажал кнопку приемной врача.

Глава 6

В гостях у доктора

Стоя перед дверью лечащего врача Мартинели, Граф размышлял: «Странные дела с госпожой Шафер... Доктору-то уже неделю известен ее адрес, и о ее вчерашнем визите в больницу он знал, но ничего не предпринял. Хотя... Видимо, я совсем спятил».

Замок шелкнул, и Граф вошел коридор с унылыми – горчичного цвета – стенами. Справа на застекленной двери значилось золотыми буквами:

Флориан Троллингер, доктор медицины.

До того, как Граф успел позвонить, она отворилась, и перед ним предстал крупный, сутулый человек с большой головой и широким лбом. Когда хозяин поднял вопросительный взгляд желтовато-карих глаз на позднего посетителя, Графу пришло в голову сравнение с быком.

– Несчастный случай? Внезапная болезнь?

Казалось, доктор Троллингер не мог себе представить, что кого-то принесло к нему нечто меньшее, чем катастрофа.

– Нет. Простите, что беспокою вас так поздно, доктор. Я заглянул к вам в надежде разузнать некоторые подробности о покойном господине Говарде Мартинели.

Выражение большого, бледного лица доктора несколько не изменилось, короткие пальцы, твердо сжимавшие дверную ручку, не дрогнули.

– Друг? – кратко поинтересовался доктор Троллингер. Графу подумалось, что этот хриплый голос был когда-то баритоном.

– Интересуюсь этим по просьбе друга.

– Да, мне говорили о некой молодой особе.

– Госпожа Шафер – моя клиентка. Позвольте представиться – Гарольд Граф. Я в некотором роде специалист по документам: у меня консультируются по поводу антикварных книг и автографов. – На лице доктора Троллингера появилось выражение умеренного интереса. – Мы побывали сегодня вечером в больнице Святого Дамиана, – продолжал Граф. – Госпожу Шафер потрясла внезапная смерть господина Мартинели. Он просто ее знакомый, но подобные события всегда оказывают сильное воздействие на неподготовленного человека. В больнице сказали, что лечили его вы. Вот я и вызвался навестить вас.

– Входите, – произнес Троллингер.

Он подождал, пока Граф войдет внутрь, закрыл дверь и, тяжело ступая, пересек комнату. В массивных плечах, которыми Троллингер повел, чтобы поправить потертую бархатную куртку, ощущалась недюжинная сила, чувствовалась она и в неуклюжей походке. Доктор знаком указал Графу на кожаное кресло, а сам опустился на темного дерева тяжелый стул темного дерева за письменным столом, стоявшим в эркере.

Большая часть кабинета, освещенного только настольной лампой с зеленым абажуром, находилась в тени, но даже беглый взгляд, брошенный Графом, позволил заметить несоответствие: слишком массивная мебель и слишком маленькое помещение. Стол для осмотра пациентов и шкафчик с хирургическими инструментами почти не оставляли свободного пространства. Даже потертый ковер пришлось подрезать, чтобы тот мог уместиться в комнате. Когда-то доктор знал лучшие времена.

– Насколько мне известно, у господина Мартинели не было близких друзей, ни в Европе, ни за океаном.

– Госпожа Шафер познакомилась с ним этим летом и тоже считала, что господин Мартинели совершенно одинок. После его внезапного отъезда из Шпица она, как только оказалась в городе, позвонила ему на квартиру и узнала, что господина Мартинели отправили в больницу

Святого Дамиана. Госпожа Шафер справлялась о нем на прошлой неделе и вчера вечером. Сегодня, как я уже говорил, она узнала, что он умер. Мы сходили в похоронное бюро Галлер, и она опознала его.

– Понятно. Надеюсь, похоронное бюро исполнило все, как надо.

– Госпожа Шафер тоже так считает. Сказала, что господин Мартинели выглядит так, словно и не болел вовсе.

– При лейкемии это обычно. Вы знаете, что он умер от острой формы этой болезни, которая протекала нормально, если только о смертельном недуге можно так выразиться? Думаю, в дремучем прошлом подобную болезнь посчитали бы сродни колдовству. – Троллингер откинулся на спинку стула, сцепил свои крупные руки на животе и повертел большими пальцами. – Вы что-нибудь знаете о лейкемии, господин Граф?

– Практически ничего.

– Она развивается быстро, но достаточно мягко: небольшая лихорадка, ревматические боли, возможно, чувство общей слабости. А все из-за того, что белые кровяные тельца быстро разрушаются. В настоящее время наука еще не в состоянии приостановить этот процесс и продлить, а тем более спасти пациента. Как правило, больной спохватывается только в случае внезапного внутреннего кровотечения. Оно и заставило господина Мартинели поспешно вернуться из Шпица в Берн. Первый натиск болезни произошел третьего июля. Больной приехал шестого, во второй половине дня, а через час слуга господина Мартинели привел меня к нему.

Граф, слушавший доктора с вежливым интересом, поинтересовался:

– И что же? Вы тянули с госпитализацией до последнего?

Доктор Троллингер грустно улыбнулся.

– Его вообще не следовало отправлять в больницу. Если у пациента достаточно денег и за ним ухаживают, мы позволяем ему умереть так, как он захочет, господин Граф. Я сразу поставил диагноз – лейкемия. По моей просьбе в больнице сделали анализ крови – в тот же день, а на следующий я сообщил о результате господину Мартинели.

– Так быстро? Хотя, думаю, мой вопрос неуместный – опытный врач знает, что делает.

– Во всяком случае, господин Мартинели успел уладить все свои дела. Позже он мог не успеть этого сделать, хотя сдал окончательно лишь в больнице. Он с самого начала объяснил мне, что ему некому помочь в делах, и попросил сказать правду. Он был разумным, уравновешенным человеком, и я чувствовал, что не должен что-то скрывать от него. Поверьте, единственное, что знает опытный врач, – с каким пациентом он имеет дело, – с горькой усмешкой произнес Троллингер.

Граф прикинул, что этому врачу, по крайней мере, лет шестьдесят. Подумав немного, он задал очередной вопрос:

– А господин Мартинели мог пройти весь необходимый курс лечения дома?

– Он отказался от какого бы то ни было лечения. И в этом, господин Граф, неизлечимые больные имеют свои привилегии. Пока они пользуются услугами частного врача, их оставляют в покое – человека все равно не спасти. Хотел бы я, чтобы и ко мне в подобном случае отнеслись так же чутко...

– А в больнице все оказалось иначе?

– Больница, – начал Троллингер, при этом его крупный рот снова тронула горькая улыбка, – не может позволить себе рисковать – это вопрос престижа. Кроме того, врачи обязаны применять на практике полученные знания, иначе они теряют квалификацию. Но, как я уже говорил, в больнице господин Мартинели очень быстро сдал... Он заполнил нужные бумаги, отрегулировал все вопросы с душеприказчиком, снабдил его наличными, а затем, словно цель его была достигнута, расслабился, совершенно расслабился. Фактически, потерял сознание и больше уже не приходил в себя. Эта болезнь непредсказуема. Единственное, что можно предсказать точно, – смерть.

– Господину Мартинели повезло, что он нашел такого гуманного врача. Неужели это произошло случайно, доктор?

– Совершенно случайно. Когда господин Мартинели потерял сознание, его слуга кинулся в аптеку за нашатырным спиртом и по дороге заметил мою вывеску. Вот, собственно, и все. Я и господин Мартинели поладили. После он и слышать не хотел о другом враче. Шмид – его слуга – оказался мне отличной сиделкой: он выполнял все мои распоряжения до последней буквы.

– Шмид был слугой?

– Не совсем. Просто какой-то деревенский парень, с которым господин Мартинели встретился во время поездки в Шпиц. Понимаете, Шмид – эдакий образец деревенской добродетели, – пояснил Троллингер. – Он настолько понравился господину Мартинели, что тот пользовался его услугами в Шпице, привез сюда, а перед больницей отправил обратно в Шпиц, чтобы тот расплатился по счетам и закрыл дом. Ну, поскольку господин Мартинели лишь в определенной степени доверялся мне... – Троллингер трубно хохотнул, чем-то напомнив фагот. – Не сомневаюсь. Все так и есть. Мартинели уверял меня, что прекрасно разбирается в людях. И, я думаю, это его дело.

– А как вам самому показался этот образчик добродетели, доктор? – Граф свободно откинулся на жесткую спинку кресла в позе человека, получающего удовольствие от разговора. Он вытащил портсигар. Троллингер взял со стола пачку сигарет, и Граф протянул ему зажженную спичку.

– Не берусь судить о людях подобного типа, – несколько раз затянувшись, после паузы ответил Троллингер. – Я просто не знаю их. Шмид казался мне спокойным, несколько суровым, неудачливым крестьянином или торговцем, который долго жил один. Очень независим, в современном, вульгарном смысле этого слова. Абсолютно раскован. И непостижимо предан Мартинели... Вероятно, сейчас он еще там, в Шпице – ждет известия о смерти Мартинели. Я не скрывал от него, что развязка не за горами, и не сомневаюсь, парень считает своим долгом дожждаться похорон. Когда они состоятся, не знаю.

– В бюро Галлер нам сказали, что церемония намечена на послезавтра. – Граф наблюдал за кольцами дыма от своей сигареты. – Интересно, знаете ли, насколько большим могло оказаться влияние Шмида... на завещание Мартинели. Говорят, подобные люди наследуют кучу денег, подчас оказываясь главными наследниками.

– Насколько я знаю, Мартинели не переписывал завещание. Как-то раз он вспомнил о своих двоюродных братьях – живут, кажется, в Монтре – и пошутил, что в его завещании именно на них не хватило места. Господин Мартинели не мог потерять голову из-за слуги, которого сам нанял.

– Вам не кажется странным, что он не общался с этими родственниками и даже не хотел, чтобы их уведомили о его смерти?

Троллингер слегка поерзал в кресле.

– Может, он дал распоряжение своему банку? Я, право, об этом ничего не знаю. В тот день... в тот день, когда господин Мартинели отправился в больницу, его посетил представитель банка кантона Женева.

– В банке знали, что он умирает?

– Надо полагать.

Поражало, что доктор Троллингер – человек, судя по всему, далеко не робкого десятка – безропотно и скромно перенес этот своеобразный допрос.

Граф поднялся с кресла.

– Не прожайте, доктор. И большое спасибо за рассказ. Я все перескажу госпоже Шафер, думаю, она останется довольна. И ее долг по отношению к знакомому – уверяю вас, она питала к господину Мартинели самые добрые чувства и сожалеет о его безвременной кончине – можно считать выполненным.

Троллингер поднял глаза на гостя.

– Я не совсем понимаю, – произнес он, – как они встретились. По тому, что говорил Мартинели, и насколько я сам это знаю, уже в Шпице он страдал от слабости. Я хочу сказать, что он безвылазно сидел дома.

– Случайность! – ответил Граф. – Госпожа Шафер любит гулять. Ее любимый маршрут пролегает через владения старого Мартинели – оттуда прекрасный вид на озеро Тун. А ваш пациент летом часто отдыхал в саду...

Троллингер встал и проводил Графа до дверей квартиры. Расстались они вежливо.

Когда Граф покинул здание, врач поспешно прошел в эркер, слегка отодвинул пыльную занавеску и проследил за поздним посетителем. Убедившись, что тот завернул за угол дома, Троллингер метнулся в спальню – оказалось, он в состоянии двигаться легко и быстро. Потом он вернулся, напялив шляпу, и торопливо засунул какой-то пакет в карман куртки.

Стремительно выскочив из дома, доктор забрался в старушку-«мартини» и, резко тронув с места, покотил на запад. За рулем сидел вовсе не тот флегматик, который только что беседовал с Графом: лицо Троллингера кривилось от ярости и тревоги.

Машина свернула на Кирхенфельд, обогнала Графа и, обдав его пылью, оставила позади. А тот, не глядя по сторонам, сосредоточенно шагал к трамвайной остановке, наклонив голову и засунув руки в карманы.

Глава 7

Кровавый вечер

Граф добрался до трамвайной остановки и, постояв минут десять, дождался подходящего номера – ему хотелось поделиться с Лидией новостями. Он не сомневался, что клиентка будет довольна.

Глядя на темную воду реки за окном, он прикидывал, что расскажет Лидии. Что, несмотря на огромную выдержку, выработанную за долгие годы, он почему-то встревожен и чего-то всерьез опасается? Что доктор Троллингер – умный человек, потерпевший жизненный крах?

Многое говорило не в пользу Троллингера. Он не стал бы скрывать, если бы его озадачила странная самоизоляция пациента. Но, похоже, доктор принял ее за данность и даже несколько упростил ситуацию. И к Шмиду он относился весьма благосклонно, что в корне противоречило мнению Лидии. Вряд ли доктор Троллингер не заметил того, что казалось если и не зловещим, то по крайней мере, примечательным в личности доверенного лица Мартинели...

Мозаика не складывалась. Разрозненные впечатления о действующих лицах этой трагедии – рассуждения о Троллингере, нервозность которого легко объяснялась вторжением какого-то чужака в его профессиональные дела, нелестное мнение Лидии о Шмиде, основанное на неясных ощущениях женщины, ничем не подтвержденная версия самого Графа о подчеркнутых в «Буре» отрывках, якобы относящихся к Шмиду и Мартинели, – громоздились кучей. В конце концов, Троллингер – уважаемый врач, хотя и несколько потрепанный жизнью. Он все еще числится в штате больницы Святого Дамиана. А неодобрительные высказывания о нем господина Вонгунтена, ночного дежурного врача, объясняются тем, что тот просто не любит тучных, неопрятных неудачников.

Кстати, доктор Троллингер не проявил неподобающего интереса к Лидии.

И тогда Граф решил, что ему нужно узнать побольше об этом пожилом враче, а для этого – заглянуть к всезнающему и уважаемому доктору Бьянчи.

Трамвай медленно катился вдоль очередного квартала. Вскоре Граф вышел и направился по улице, руководствуясь указаниями госпожи Шафер. На углу он остановился, разглядывая квартал, где проживала его клиентка. Оснащенная единственным тусклым фонарем, улица тонула во мраке, и лишь на отдаленном перекрестке виднелись такие же тусклые огни следующей улицы. Меблированные комнаты помещались в третьем от угла доме. Его близнецы из красновато-коричневого песчаника возвышались по обеим сторонам улицы, образуя стены узкого ущелья. Не светило ни одно окно. Видимо, большинство зданий пустовало или было перестроено из частных домов в жилища более дешевого уровня. Улица была темной и пустынной. Такая могла привидеться лишь в ночном кошмаре.

Нечто нереальное чувствовалось и в душливом, словно исходящем от раскаленной печи, неподвижном воздухе. Странная улица, мертвые дома, запустение, порожденное войной.

Граф шел по северной стороне улицы-призрака, мимо темных дверей и неосвещенных вестибюлей, мимо маленького островка света, отбрасываемого уличным фонарем, к меблированным комнатам, где жила Лидия. Там тоже царил мрак. Помнится, клиентка обещала, что будет ждать в нижней гостиной. Вероятно, окна, закрытые ставнями по распоряжению хозяйки, не пропускали тусклый свет.

Граф уже приготовился тихонько постучать в дверь, когда заметил, что она приоткрыта. Держится на цепочке для прохлады, как и его собственная сегодня вечером? Подойти в Берне к дому из красноватого песчаника и обнаружить, что входная дверь открыта, – это было похоже на сон... На какой-то гадкий сон, потому что в сквозь щель на ступенях лестницы Граф заметил шляпку, украшенную розой...

Он рванул дверь на себя. Лидия лежала лицом вниз в крошечном вестибюле, вокруг валялись какие-то пакетики с покупками и открытая и опустошенная сумка. Бедная госпожа Шафер! Она слишком много всего накупила по пути домой. И слишком поздно пришла домой. Ей нанесли удар сзади, когда она отпирала дверь.

Граф, терзаемый запоздалым раскаянием, склонился над женщиной. К его горлу подкатила тошнота. Он коснулся ее еще теплой руки в нитяной перчатке. Но в человеке с проломленным черепом уже не могла теплиться жизнь. Граф выпрямился, взглянул сначала на сумку, затем на рассыпавшийся кулек конфет, перевел глаза на разбитую бутылку, источавшую сильный запах цитрусового напитка, на книгу в бумажной обложке, на журнал, на упакованную в целлофан зубную щетку... Господин Мартинели стал причиной смерти своего последнего друга! Какая жестокая насмешка судьбы.

Граф взял себя в руки, дернул дверной звонок и тихонько растворился в темноте. Неспешным шагом пройдя до ближайшего переулка, он устремился к Бюмплицштрассе, где остановил авто и за полчаса до полуночи оказался возле своего дома.

Графа все еще сотрясала нервная дрожь, когда он шагнул в уютную темноту прихожей. Свет у входа включать не стал, а, бог весть по какой причине, решил воспользоваться выключателем, что размещался возле гардероба для верхней одежды, напротив лифта. Тихо преодолев пару метров, Граф протянул было руку к маленькой черной кнопке, но замер и чуть повернул голову, уловив какой-то странный звук, донесшийся со стороны его кабинета. Рассмотреть, конечно, ничего не удалось, однако в голове мигом проскочила мысль: «Если у него пистолет, тогда конец».

Дальше Граф действовал автоматически. Он схватил и потянул на себя дверцу лифта – если подъемник внизу, она откроется. Лифт оказался на месте. Граф скользнул внутрь, дверца за ним захлопнулась, и лифт медленно пополз вверх. Он услышал, как кто-то на первом этаже трясет дверцу и шарит по стене руками – незванный гость, по-видимому, решил, что его жертва укрылась в буфете или в шкафу. Эти несколько минут промедления позволили Графу достичь второго этажа, выскочить из лифта, броском пересечь вестибюль и нырнуть в библиотеку, пока незванный гость топал по лестнице. Граф мигом запер на ключ дверь библиотеки – надежную дверь, сделанную из красного дерева на века, – и остановился посреди комнаты, вне пределов досягаемости злоумышленника. К несчастью, телефонные аппараты находились на первом этаже и в подвале, поэтому Граф просто завопил в пустоту:

– Полиция? Ограбление! – и тем же громовым голосом назвал адрес и имя.

Все это время он не спускал глаз с двери, но, к счастью, взрыва не последовало, замок оставался на месте. Со вздохом облегчения Граф подошел к переговорной трубе около каминной полки и дернул ручку звонка. Вскоре до него донесся свистящий звук.

– Антуан? – тихо спросил Граф.

– Да, – Антуан говорил из подвального помещения, находившегося в передней части дома.

– Закройтесь на ключ и позвоните в полицейский участок. Говорите тихо. Скажите им, чтобы направили к нам патруль. Не шумите и не выходите оттуда, пока не придут полицейские, затем впустите их через черный ход.

– А что случилось?

– В доме грабитель.

Следующие несколько минут Граф изучал карту автомобильных дорог и расписание поездов. К тому времени, когда он нашел то, что требовалось, раздался громкий стук в дверь. Граф распахнул ее и впустил Антуана и полицейского. Старый слуга тотчас заговорил жалобным голосом:

– Неудивительно, что к вам забрался грабитель, господин Граф. Вы оставили открытым окно кабинета, а обычно оно заперто, и я поэтому не проверяю его по ночам. Я даже не мог предположить, что вы откроете его, ведь есть вентилятор!

– Я вас и не обвиняю. А эта техническая новинка просто гоняет горячий воздух. Меня отвлек клиент. Спуститесь и приготовьте для нас мятный коктейль со льдом, не забудьте добавить кирша, – распорядился Граф. – Я полагаю, ваш коллега, – обратился он к полицейскому, – обыскивает дом? Бесплезно. Наш друг-грабитель слышал, как я вызывал полицию.

Антуан, ворча, удалился. В библиотеку заглянул второй полицейский, и вся компания спустилась в кабинет. Граф пригласил блюстителей порядка устраиваться поудобнее. Полицейские одобрили его находчивость, позволившую спастись с помощью лифта, однако не удержались и от нотации. Вбежал кот Мартин, и один из полицейских пожалел, что это не собака.

– Что вы имеете в виду, когда говорите – плохо, что он не собака? – оскорбился Граф. – Вы хотите сказать, что он залаял бы на взломщика? Но он лаял бы и на молочника, не так ли?

Антуан принес напитки, а с ним одновременно появился лейтенант Пикар из отдела по расследованию убийств.

– Очень мило с вашей стороны, – сказал Граф. – Какому счастливому стечению обстоятельств я обязан?

– Я зашел в участок, когда поступил ваш сигнал бедствия, – ответил Пикар, усаживаясь и принимая стакан из матового стекла. – Редкий случай, не правда ли? Наступают на пятки?

– Что вы имеете в виду, черт побери? У меня на всем свете нет врагов.

– Это все нервы. Взломщик вам привиделся. То, что вы слышали, было лишь порывом ветра из окна, которое вы по невнимательности оставили открытым. Он сдул бумаги с вашего письменного стола.

– Где же этот ветер? – пожал плечами Граф, обмахиваясь газетой.

– Давайте выкладывайте все начистоту. Не могли же вы вызвать нас в такую ночь просто так.

– Мне, как налогоплательщику, положена защита от кантона.

– Полиция обязана защищать тех налогоплательщиков, которые закрывают окна первого этажа. Рад, что вашей жены нет в городе.

Полицейские из патрульной машины сидели, держа бокалы в правой руке, а сигареты в левой, и с недоумением поглядывали то на Графа, то на Пикара. Они испытывали благоговейный страх из-за той фамильярности, с которой общались их начальник и этот господин.

– Это все последствия войны. Никто не полезет в фасадное окно, когда на улице полно полиции, – укоризненно заметил Граф.

– Сейчас мы можем свалить на войну множество вооруженных грабежей, – ответил Пикар. – Только что подобное произошло в западной части города. Я слышал краем уха, что приятной молодой женщине, ассистенту зубного врача, раскроили череп на пороге дома, где она жила. А убийца оказался таким джентльменом, что даже позвонил в дверь.

– Не может быть! – уставился на него Граф.

– Полицейский врач, быстро добравшийся до места преступления, смог установить, что смерть наступила за полчаса до его прихода. Конечно, звонил не убийца, я шучу. Скорее, какой-нибудь прохожий, заметивший открытую дверь. Заметил, а свидетельские показания давать не захотел. Вот как вы – граждане – поступаете, никакого чувства ответственности.

– Вряд ли прохожий рассказал бы вам больше, чем вы узнали, – возразил Граф.

Он удивился, как все точно рассчитал убийца, и запоздало подумал, что мог бы тоже лежать на ступеньках дома с меблированными комнатами. Он чуть-чуть опоздал к кровавой раздаче.

Пикар встал, полицейские поднялись вслед за ним.

– Полагаю, вы не настаиваете, чтобы мы провели обмеры места преступления и прочих помещений, – поинтересовался тот, что первым зашел в библиотеку.

– Обмеры? Это наводит на меня тоску.

– На нас тоже, однако, мы должны выполнять эту рутинную работу.

Граф, заверив блюстителей порядка, что этого точно не требуется, и поблагодарив за оперативность, проводил всех троих до входной двери.

Оказавшись на улице, полицейский помоложе, будучи в приподнятом настроении от выпитой водки и желая войти в доверие к старшему по званию, неуклюже заметил, что этот Граф подозрительно нервный тип. Пикар остановился и сурово взглянул на младшего по званию.

– Кто?

– Ну, этот Граф. Вы же сами сказали, когда подшучивали над ним.

– Верно, подшучивал. Но запомни, этот господин вызвал вас, – веско произнес Пикар, – только потому, что убийца стоял между ним и входной дверью. Если бы не его маленький лифт, он был бы уже мертв.

В этот же момент Граф обдумывал другую версию, объясняющую успешность его бегства от взломщика. Он изучил карты и расписания и теперь стоял в гостиной рядом с телефоном, глядя на кота. Подняв к нему мордочку, Мартин жалобно мяукал, словно хотел сказать:

– Пожалей меня, я такой маленький.

– Ты такой трогательный, крохотный котенок, не так ли? – обратился к нему Граф. – А где же ты болтался, позволь тебя спросить, когда вошел бандит? Небось завел с ним дружбу, терся о его ноги? Не потому ли он не сумел быстро выбраться из кабинета и подкараулить меня, когда я проходил мимо?

Мартин растянулся на полу.

– Ну да, ты ему помешал, – размышлял Граф, – а если бы он прогнал тебя, то наделал бы достаточно шума. Но он не хотел, чтобы я услышал, и бежал в темноте. Неужели ты спас мне жизнь, мой маленький?

Мартин вытянул вперед мощную лапу и вцепился в манжету брюк хозяина. Граф стряхнул его, помотав ногой, и снял телефонную трубку. Господин Роберт Шваб ответил спустя довольно длительное время, и его сонный голос звучал сердито.

– Да. Кто это?

– Граф.

– Черт побери, зачем вы меня разбудили?

– Сейчас всего половина первого.

– Я лег пораньше, чтобы забыть о жаре.

Граф стал убеждать друга и коллегу, что существует лучший способ забыть о жаре, но в ответ услышал лишь возмущенный вопль:

– Черта с два я пойду на это!

– Шваб, я не просил бы вас, но положение безвыходное.

– Почему бы тебе не съездить в Шпиц самому?

– Мне нужно побыть несколько дней в Берне. В любом случае последний поезд в Тун уже ушел – в 21:01. Я только что посмотрел расписание.

– Даже не подумаю мотаться по стране по вашим делам.

– А разве убийство не является делом тайной полиции?

– Только в том случае, если ты сможешь доказать его связь с безопасностью кантона.

– Разумеется.

– Кого убили?

– Мою клиентку. Я сам едва остался жив. Мне пришлось вызвать полицию, – попытался разжалобить собеседника Граф. – Пришел сам Пикар.

– Слава богу, что госпожи Граф нет в городе.

– Пикар сказал то же самое.

– А что, собственно, произошло?

– Этот негодяй инсценировал убийство моей клиентки, как разбойное нападение с целью грабежа, а затем, думая, что я не знаю об этом, явился, намереваясь устранить и меня. Полагаю, с пистолетом. Вряд ли он рискнул бы раскроить мне череп. Обнаружив открытое окно в моем кабинете, он забрался внутрь и понял, что меня еще нет дома. Устроил засаду, а когда я вернулся, то – представь себе – ему помешал Мартин! Как бы то ни было, я услышал шум, успел вскочить в лифт и запереться в библиотеке. А потом я сделал вид, что вызываю полицию. Злоумышленник, услышав мои крики, сбежал.

– Ну и влипли вы, дорогой друг! Теперь вам нужно поймать этого господина, пока он не добрался до тебя.

– Единственный шанс прояснить дело – это выследить некоего Шмида из Туна.

– А почему бы не попросить Пикара связаться с его людьми в Туне и задержать этого типа?

– Да его не за что задерживать. У меня нет ничего, кроме ряда совпадений. А к тому времени, когда я добуду доказательства и сумею убедить Пикара, а он, в свою очередь, убедит в этом своих коллег в Туне или власти в Шпице, Шмид может исчезнуть. У него есть машина! Предполагается, что он задержится там до пятницы. Но может и удрать. Мне нужно всего лишь знать, куда он отправится, когда уедет из Шпица.

– Неужели вы думаете, что один человек справится со слежкой?

Граф ясно представил себе возмущенного Шваба, с взъерошенными рыжими волосами, стоящего босиком посреди спальни.

– Я полагал, что с вами мог бы поехать малыш Буше, чтобы вы могли вести машину по очереди. Дорога займет около четырех часов, может, и меньше. Шмид уедет после похорон. Там хоронят человека по фамилии Мартинели, а Шмид – его доверенный слуга. Он сейчас, по слухам, обитает в принадлежащем хозяину доме, который Мартинели велел законсервировать. Он и не подозревает, что за ним кто-то решит установить наблюдение. Он уедет открыто, и выследить его будет несложно.

– Меня исключи. Я следователь, а не сыщик. Буше – другое дело... Ладно, согласен... А что если Шмид бросит машину и сядет на поезд? Я тоже должен бросить свою машину?.. Ну, все, – раздраженно прервал сам себя Шваб. – Как он хоть выглядит?

– Так вы беретесь за это дело? Шваб, я...

– Вы с самого начала знали, что все так и обернется, – ворчливо проговорил тот. – Мы многим вам обязаны... Так как выглядит «клиент»?

– Я-то его в глаза не видел, но... – из трубки раздался звук, похожий на рычание. – ...Но у меня есть словесный портрет. Среднего роста или чуть выше; худощавый, светлоглазый, неаккуратно подстриженные каштановые волосы, загорелое красноватое лицо. По виду он мелкий торговец, ремесленник, проводник или крестьянин. И еще: Мартинели назвал его философом.

– Народная мудрость и все такое? – спросил Шваб усталым голосом.

– Мне кажется, он совсем другой: деловитый и хладнокровный, словом – крепкий орешек. Кое-что может облегчить вашу задачу: дорога идет только до дома старика Мартинели – это в паре миль от Шпица. Чтобы уехать куда бы то ни было, Шмиду обязательно придется заехать в Шпиц – если только он не отправится вплавь по озеру или пешком через горы, а машине там не проехать. Если бы вы смогли расположиться на краю города...

– На краю города... – повторил Шваб, который, казалось, делал пометки.

– Еще: говорят, в середине июня он занимался извозом в Тун. Можете это проверить?

- Тун довольно большой город...
- Но таксисты на вокзале наверняка запомнили чужака.
- Как мне с вами связаться?
- По телефону.
- Неужели покойная клиентка – миллионерша?
- Дело не в деньгах.

Серьезный тон Графа заставил Шваба замолчать. Затем он проговорил:

– Ладно, я понял. Тогда так: мы с Буше ездили по государственной надобности, а потом решили немного отдохнуть в горах. Сейчас я разбужу беднягу Буше, и если в течение ближайшего часа мы не позвоним – мы уехали.

– Шваб, я даже не знаю, как... – начал было Граф, но трубку на том конце кабеля уже с треском бросили на рычаг. Тогда он медленно повернулся, оперся спиной о стол и застыл, неподвижно уставившись на противоположную стену комнаты...

Глава 8

Несостоятельная версия

На следующее утро после завтрака Граф позвонил доктору Этьену Бьянчи. Казалось бы – несложное дело – дозвониться, но время шло, а поговорить все не удавалось.

Сначала Граф разыскивал доктора дома, потом – на квартире пациента, прилетевшего из предгорий итальянских Альп на личном аэроплане, затем в личном кабинете подле роскошной набережной Гюстав-Адор и, наконец, в больнице де Гранжетт. Регистраторша сообщила, что доктор готовится к операции и его к телефону позвать нельзя – Граф приготовился умолять и плакать, но вызванная на разговор ассистентка доктора Бьянчи примирила обе стороны, пообещав, что поговорит с врачом. Спустя несколько минут Бьянчи заорал в трубку:

– Граф? Если ты о Кларе, то оставь меня в покое. Она прекрасно себя чувствует.

– Я не о Кларе.

– Если тебя призывают в армию, я и пальцем не пошевелю. Это против моих принципов.

– Армия, видимо, гораздо лучше, чем то дерьмо, в котором я оказался.

Бьянчи перестал шутить:

– Доконали тебя разъезды.

– Да ни при чем тут разъезды.

– Но ты же собираешь информацию.

– Да! Только этим и занимаюсь. У тебя есть возможность провести для меня небольшое расследование?

– Какое расследование? По токсикологии? Почему бы тебе не обратиться в лабораторию?

– Дело личное и очень деликатное. Ты мне сначала скажи – можно вызвать лейкемию или фальсифицировать ее симптомы?

– Ее саму – нельзя, что-то похожее – можно.

– Как?

– Сульфамидами. Надо только скормить своей жертве большую белую таблетку или поставить капельницу. Это разрушит белые кровяные тельца.

– А как отличить?

– Ну, настоящая лейкемия и сульфамидное отравление все-таки разные вещи, и эта разница непременно будет замечена и должным образом прокомментирована, если, конечно, анализ крови сделает квалифицированный медик, а не уборщица, заменяющая ушедшего в армию специалиста.

– Весьма признателен тебе за эту информацию, Рыжий.

Доктор Бьянчи славился своей шевелюрой, но вовсе не рыжей, как можно было бы подумать, услышав его прозвище, а скорее цвета воронова крыла. Забавная кличка прилипла к доктору совсем по другой причине – характером, да и манерами он напоминал нежно любимого всеми детьми циркового клоуна. В университете его именовали только Рыжим, и он страшно гордился, что никто и никогда не называл его Этьеном больше одного раза.

– Пожалуйста, – ответил Бьянчи. – А что, кто-то испробовал новый способ убийства?

– Нет, если ты ничего не забыл мне сказать. Но, по крайней мере, я хоть об этом перестану думать. А теперь мне нужна характеристика твоего коллеги, некоего доктора Троллингера. Насколько я могу судить, ему около шестидесяти, практикующий врач, когда-то специализировался в диагностике, связан с больницей Святого Дамиана в Берне.

– Святого Дамиана? Ее бы уже давно закрыли, если бы не война. На пожертвования ее содержать невозможно, а других денег просто нет.

– Надеюсь, они еще в состоянии определить лейкемию по анализу крови?

– Уверяю тебя, это могут сделать где угодно! Вероятность ошибки равна нулю.

– А если они перепутали стекла с мазками крови?

– А сколько, по-твоему, пациентов с лейкемией поступает в обычную больницу за неделю? Ты же спрашиваешь о скоротечных случаях. – Доктор Бьянчи помолчал минуту, а добавил: – О докторе Троллингере я никогда не слышал.

– Вчера я впервые имел удовольствие познакомиться с ним. Похоже, он а последние годы сильно опустился.

– Эй, Граф, тебе стоит вести себя поосторожнее. Ты ходишь по лезвию бритвы.

– Я ужасно храбрый! Это вы – профессионалы – осторожничаете. Так вот, не мог бы ты раздобыть для меня сведения об этом Флориане Троллингере?

– Проверять представителя своей профессии – щекотливое дело. Мне придется копаться в архиве или искать общих знакомых.

– Я не выдам тебя, старик.

– Рассчитываю на это! Подумаю, что можно сделать, и позвоню.

– Это очень срочно.

Граф положил трубку, затем набрал другой номер. Голос нового собеседника звучал жестко, резко и деловито. Правда, стоило Графу раскрыть рот, как его узнали и прямо-таки зашлись от восторга.

– Кого слышу! Наконец-то решили обратиться к профессионалам, Граф?

– Мой помощник сторожит наши границы, но я надеюсь, что могу довериться близкому другу Пикара.

– Неплохой парень, правда? Он ведь был уверен, что мы познакомимся. Так какие у вас проблемы?

– Начнем с того, что это совершенно конфиденциальное дело. Участие полиции просто недопустимо. Пикар и его коллеги тут не помощники.

– Понятно.

– Теперь конкретно – мне нужен человек, который сможет внимательно наблюдать за одним врачом. Если объект – предположим, что он все-таки уважаемый гражданин, – обнаружит слежку, то мы рискуем получить иск на тысячи франков.

– Мои ребята еще никого не подводили.

– У вас есть сейчас подходящие люди, осторожные и благоразумные?

– Ну, здоровых и молодых у меня нет – это и понятно. Есть пара шустрых старичков. Они хорошие оперативники, но долго бегать уже не могут. Если вам требуется круглосуточное наблюдение, то нужны хотя бы трое, но столько народу у меня нет.

– Ничего страшного. Этот человек – врач: два раза в день он принимает больных в своем кабинете, а потом ходит по домам и, вероятно, посещает больницы.

– Это уже легче.

– К тому же я разработал план действий.

– В вашей предусмотрительности я не сомневался ни минуты. Вы придете сюда, чтобы встретиться с парнями? Или пришлете интрукции?

– Лучше зайду. В два часа устроит?

– Прекрасно.

Граф спустился в свой кабинет, открыл шкафчик с картотекой, вытащил Шекспира и понес рассыпающийся том в домашнюю лабораторию. Несколько минут он уныло рассматривал отмеченную печатью запустения комнату: заставленные пыльными стеклянными колбами и бутылками полки, закрытые шкафы, длинные столы, покрытые пятнами реактивов раковины, умывальника, закрытую чехлами аппаратуру...

Когда граф, мокрый от пота, но весьма довольный, вышел из лаборатории, в одной руке у него был томик Шекспира, в другой – исписанный листок бумаги. Он направился в кабинет, прошел к письменному столу, открыл машинку и напечатал следующее:

БУРЯ. Акт I. Сцена 1

Подчеркнутые отрывки

Однако этот мальчик меня утешил

Заметки на полях

Какой же я подлец!.. Он отъявленный висельник, а кому суждено быть повешенным, тот не утонет. Боже, дай ему возможность дожить до виселицы! Сделай предназначенную ему веревку нашим якорным канатом: ведь от корабельного каната сейчас пользы мало. Если же ему не суждено быть повешенным, наше дело пропащее.

Акт II. Сцена 2

Подчеркнутые отрывки

...это безмозглое чудовище!

Жалкое чудовище!

Ну и простофиля же это несчастное чудовище.

А ты неплохо лакаешь, чудовище, право слово!

Заметки на полях

Простофиля? Ага!

Ищите женщину!

Граф с удовольствием перечитал эти пометки – в них по-прежнему крылась загадка, но характер таинственного господина Мартинели становился понятнее. Граф был приятно удивлен. С чувством выполненного долга он запер отпечатанный лист вместе с Шекспиром, забрался в ванную комнату и принял душ. Уже одевшись, он услышал, как Антуан зовет его к ланчу.

После еды последовали кофе с сигаретой – Граф отправился на метро в деловую часть города. Ноги сами несли его по хорошо знакомому маршруту – он зашел в старомодное конторское здание, затаившееся в узком мрачном переулке, и поднялся в мансарду. Здесь на одной обшарпанных дверей висела табличка:

Ленц Гарнет. Сыскное агентство

Граф без стука вошел в маленькую душную комнату – на вентилятор господин Гарнет не тратился. Глава агентства, лысый толстый человек сидел за массивным столом в одной рубашке, но его бледная кожа блестела от пота. Перед ним у стены на узкой неудобной скамейке расположились два старика. Один, высокий и худой, выглядел нездоровым. Другой, низкорослый и настороженный, со скошенным подбородком, походил на голодную белку.

– Рад вас видеть, господин Граф, – начал Гарнет. – Это господин Тринкл, а это – господин Иг. Оба никогда меня не подводили. Им можно доверить даже миллион франков, а в оперативной работе им нет равных. Они уверены, что и сегодня ни один, даже очень ловкий, субъект не сумеет скрыться от них, даже если очень захочет.

Граф присел и угостил всех троих сигаретами.

– Доктор Троллингер вряд ли пустится в бега, – произнес он. – Полагаю, что и следить за ним будет не очень трудно. Он не собирается покидать город. И если не произойдет ничего

экстраординарного, скучная рутинная жизнь небогатого врача потянется дальше. Я мог бы, конечно, и сам проследить за ним, но, боюсь, заметив меня, он слишком сильно испугается, а прятаться я не умею – мне как-то не приходилось прежде тайно наблюдать за людьми... В сущности, меня интересует, чем он занимается в свободное время. Если уважаемый доктор внезапно решит попутешествовать, вам надлежит следовать за ним – я оставлю господину Гарнету достаточно денег, чтобы оплатить расходы на переезды и гостиницы... Для облегчения задачи я предлагаю вам переехать в меблированные комнаты напротив его апартаментов. Там висит объявление: «Аренда». Кажется, свободное помещение находится на третьем этаже по фасаду – несмотря на погоду, окна там закрыты, и на них нет занавесок.

– Меблированные комнаты? – мрачно переспросил тощий Тринкл.

– Да. Приемные часы доктора с 12 до часу дня и с 8 до 10 вечера. Возможно, он проводит массу времени в больнице Святого Дамиана. Это такой неопрятный, массивный человек, немолод. Представьте, у него есть машина! И, похоже, разрешение на использование ее. Она старая, но на ходу. Вам придется пользоваться таксомоторами или наемными экипажами – я выделю определенную сумму для этих целей.

Иг заметил, что им все же понадобится автомобиль, поскольку сейчас не так просто поймать такси на улице.

– Значит, оформите заказ заранее – пусть лучше стоит и ждет, – сказал Граф.

– Ну, хорошо. – Гарнет вытер мокрое лицо огромным льняным платком с монограммой. – А за кем мы охотимся? Этот пожилой доктор – преступник? Даже как-то не верится. Он опасен?

– Увы, у меня нет никаких доказательств – иначе я бы сейчас разговаривал с полицией, а не с вами, уважаемый Гарнет, – ответил с улыбкой Граф.

– Я говорил коллегам, что вы порой действуете интуитивно.

– Ну, вы преувеличиваете – я не стал бы нанимать господ Тринкла и Ига только потому, что мне почудилось неладное. У меня есть и факты. Правда, их маловато.

– Я хотел сказать, что вы выстраиваете судебное дело. Наркотики?

– Пока не знаю. Доктор Флориан Троллингер для меня загадка.

– Ну, когда Тринкл и Иг займутся им, ничего загадочного в нем не останется. Тринкл предпочитает работать ночью, докладывать будет в восемь утра. Иг станет звонить вам в восемь вечера. В случае крайней необходимости они отыщут вас где угодно, а кроме того, обычно оперативники поддерживают связь со мной.

– Звоните в любое время дня и ночи. Номер у вас есть. К сожалению, я, видимо, не смогу связываться с меблированными комнатами: вряд ли там до войны успели установить телефон. А теперь о финансовой стороне дела... – И Граф вынул бумажник.

Из конторы Гарнета он пошел на остановку трамвая и в очередной раз отправился к дому, где покойный Мартинели арендовал квартиру. Помедлив минуту, Граф шагнул в светлый вестибюль – швейцар в синей униформе устремился ему навстречу.

Граф достал из бумажника газетную вырезку, которую Лидия отыскала в ведре для угля.

– Я пришел узнать, сдается ли эта квартира в субаренду?

Швейцар взял клочок бумаги и внимательно рассмотрел его, потом взглянул на посетителя и сказал, что выяснит. Он проскользнул мимо лифтов в глубину здания и вскоре вернулся с моложавым мужчиной в скромном костюме – видимо, управляющим. Вновь прибывший выглядел несколько озадаченным – казалось, вырезка жгла ему пальцы.

– Вы хотели бы снять эту квартиру до конца лета?

– Если она не очень большая и плата умеренная. Меня зовут Граф. Мы собираемся заново отделывать дом. И жена считает, что жить в нормальном доме гораздо удобнее, чем в отеле.

– Честно говоря, я не уверен, что ее можно снять.

– Нет? А мне говорили, прежний арендатор умер.

– Вы знали его, господин Граф?

– Я дружил с его приятелем, – устало ответил Граф – ему показалось, что эту фразу он произнес по крайней мере пятьдесят раз за последние двадцать четыре часа.

– Дело в том, что я не знаю планов госпожи Мартинели.

Граф вздрогнул от неожиданности, однако постарался как можно быстрее взять себя в руки. Мысленно сосчитав до десяти, он сказал:

– Вот уж не думал, что госпожа Мартинели здесь.

– Она получила извещение о смерти мужа и сразу приехала сюда из Женевы.

– Да, расстояния в наши дни совсем ничего не значат.

– Конечно.

– Какой это удар для бедной женщины!

Управляющий выглядел так, словно несчастье постигло его самого.

– Мы и понятия не имели о существовании госпожи Мартинели, – с горечью сказал он. – Она приехала вместе с племянницей. Сначала ей хотелось пожить в этой квартире – господин Мартинели снял ее до первого октября. Она думала, что здесь накопилось множество неотложных дел, а оказалось, что все уже улажено. Я спрошу ее и дам вам знать.

«Похоже, бедняге срочно требуется помощь», – весело подумал Граф и вручил управляющему свою визитную карточку со словами:

– Боюсь, что разочарую вас – и ее. Ваш дом – роскошное жилище, пожалуй, мы к таким не привыкли.

– Условия могут оказаться вполне приемлемыми, – скорбно ответил управляющий – бесконечное сомнение сквозило в его голосе.

– Ладно. Мне можно позвонить. У вас ведь есть разрешение на пользование этим видом связи, не так ли?

Всерьез озадаченный сложившимся фрагментом мозаики Граф вышел на душную, залившую солнцем улицу, забыв про шляпу в руке. Он постоял в нерешительности несколько секунд под аркадой, затем остановил таксомотор и поехал домой. На лестнице, ведущей в библиотеку, Графа настиг телефонный звонок – прыжками одолев оставшиеся ступеньки, он, задыхаясь, подбежал к аппарату и выдохнул:

– Да?

– Господин Грапп? Это госпожа Марта Мартинели.

– Граф. Слушаю. Простите, что запыхался, госпожа Мартинели. Я ловил кота.

Это фривольное объяснение должно было объяснить безутешной вдове, почему он не очень-то торопился взять трубку, – впрочем, если бы голос ее звучал подобающим образом, Граф не позволил бы себе подобной выходки. Но сейчас ему в ухо вгрызся высокий, пронзительный, крайне неприятный звук, к тому же эта женщина неправильно произнесла его имя. Однако, госпожа Мартинели обладала и другими недостатками – по крайней мере учтивой и любезной ее тоже трудно было назвать, – выслушав пояснение Графа, она погрузилась в долгое молчание.

Когда к женщине снова вернулся дар речи, Граф даже отодвинул трубку от уха.

– Мне сказали, что вы заходили по поводу квартиры.

– Да, но боюсь...

– В любом случае, мне хотелось бы встретиться с вами, господин Грапп. Управляющий сказал, что вы знали моего мужа.

– Он немного ошибся. Я был знаком с человеком, который был знаком с господином Мартинели.

– Речь идет о госпоже Шафер? Это вы заходили с ней в больницу вчера вечером?

– Да.

– Естественно, я бы хотела поговорить с ней, но у меня очень мало времени. Я заказала билет на сегодняшний поезд до Женевы – он уходит в шесть вечера. Поэтому хорошо было бы с вами встретиться, а ее искать мне некогда. Да и не хочется разговаривать с посторонними людьми, если в этом нет нужды. Это вполне естественно.

– Вы уже уезжаете?

– У меня масса дел, а здесь мне делать практически нечего. И мне еще очень повезло, что удалось раздобыть возвращенный билет на поезд.

– Но это же страшно утомительно – тряска, жара...

– Да, я только что имела удовольствие. Если бы вы смогли подъехать сейчас, пока я тут и со мной представитель банка, я была бы вам очень обязана. – Женщина помолчала и добавила: – Я никого не знаю в Берне. Я не знала, что мой муж болен. Я просто ошеломлена.

– А вы говорили с лечащим врачом и персоналом из больницы Св. Дамиана?

– Я звонила в больницу. Они рассказали мне о госпоже Шафер. Мне очень хотелось бы узнать о том, как мой муж жил в Шпице и об этом человеке, Шмиде.

– Я приеду через несколько минут.

Конечно, новость о внезапной смерти мужа способна выбить из колеи любую женщину – бедняжка может погрузиться в бездну отчаяния и даже сойти с ума. Но безжизненный резкий голос госпожи Мартинели звучал довольно спокойно. Неужели она в самом деле такая тупая? Наверяд ли.

Глава 9

Деньги и бумаги

Выйдя на улицу, Граф остановился и взглядом взломщика осмотрел широкий выступ под окном, выдававшийся влево от ступенек парадного крыльца. От выступа до железных поручней крыльца – не больше шага, а в кладке из песчаника над ними было за что ухватиться – там висел один из двух привезенных Графом из Италии настенных фонтанчиков: львиная морда, а под ней резервуар в форме раковины. Они использовались как цветочные горшки. Сейчас в них росла герань. Резной лепесток хрупкой раковины мог выдержать немалый вес – даже не особенно ловкого человека, задумавшего забраться в чужое окно...

К половине четвертого Граф вновь оказался в вестибюле дома, где обосновались остатки семейства Мартинели. В этот раз швейцар любезно проводил Графа к лифту, а лифтер поспешно доставил его на пятый этаж.

У открытой двери посетителя поджидал мужчина с каменным, как у статуи, лицом – вероятно, он думал, что теперь они с Графом в одной лодке, а потому поспешил продемонстрировать свое доброе отношение.

– Что бы вы ни делали, оформляйте это письменно, – проговорил он и повел гостя направо. За дверью обнаружился высокий, гулкий вестибюль.

Преодолев его, Граф очутился в просторной затемненной гостиной. Стены покрывал яркий блестящий ситец, великолепная старинная мебель выглядела недавно отреставрированной и очень чистенькой. В тени полотняных навесов за окнами виднелись неизменные ящики с яркими цветами, новенькие циновки заменяли ковры. Комната оставляла удивительно приятное впечатление.

На диване, спиной к свету, сидела женщина, а рядом с ней стоял мужчина – увидев гостя, он шагнул вперед. Его шляпа и портфель лежали на обеденном столе. Граф обратил внимание на выдвинутый стул с прямой спинкой, с которого, очевидно, только что поднялся спутник госпожи Мартинели.

– Господин Граф? Меня зовут Фогель. Я из банка кантона Женева. Могу я представить вас?

Граф, пожимая его руку, выразил согласие.

– Госпожа Мартинели – господин Граф. Господин Граф, – пояснил Фогель, улыбаясь, – хорошо известен здесь, в Берне, как любитель книг и э-э... эксперт. К его советам стоит прислушаться!

Граф пробормотал что-то невразумительное.

– Спасибо, что приехали, – проверещала госпожа Мартинели. – Садитесь, пожалуйста, господин Граф.

Граф сел. Управляющий домом остался где-то возле двери.

– Надеюсь, вам нравится квартира, – звонко произнесла госпожа Мартинели. – Большая спальня, приличных размеров столовая, за вестибюлем – кухня и комната для прислуги. Правда, комнаты для гостей нет.

Она говорила, а Граф пытался рассортировать первые впечатления: удивительно спокойная женщина. Она сидела неподвижно, скрестив руки на сумочке, которая лежала у нее на коленях. И еще... она придерживается условностей – всего несколько часов назад получила внезапное известие о смерти мужа, но уже носит траур, и дело вовсе не в черном костюме, черной шляпке и такого же цвета туфлях, а в тонких черных чулках и короткой вуали с каймой. Ей около сорока, однако она все еще красива – тонкое гладкое лицо без следов косметики, сильно вьющиеся темные волосы, темные бархатные глаза, узкий рот, чуть вздернутый нос и

удлиненная верхняя губа. Странная маска. Граф всегда пытался угадать, что скрывается за такими масками... Пустота? Или множество зловещих планов?

Госпожа Мартинели превосходно владела собой, хотя явно испытывала некоторую неуверенность: она привыкла быть полноправной хозяйкой, если не вселенной, то хотя бы своего ограниченного мирка, а оказавшись вне его, немного растерялась. Видимо, ее тревога все нарастала, поскольку она говорила все быстрее и вела себя все агрессивней.

Граф подумал, что эта женщина всю жизнь провела, опираясь на надежное плечо мужа, в делах почти ничего не понимает и инстинктивно ищет защиты у мужчин. Ее напугали – она тут же укрылась под ближайшим зонтиком. Помани ее, и она с радостью доверится тебе. Или госпожа Мартинели умело изображает взволнованную дурачку?

– По-моему, это очень выгодно, – продолжала вдова. – Мой муж снял квартиру не так уж дешево, или, по крайней мере, мне так кажется, но я могла бы уступить ее вам за меньшую сумму. Он нанял ее до первого октября, и мне сказали, что сумму вычтут из его наследства, значит, платить все равно придется мне. Но это несправедливо... Почему я должна соблюдать условия найма, ведь муж мне даже не сообщил, что снял квартиру!

– Господин Гумберт вам уже все объяснил, – мягко сказал господин Фогель.

Господин Гумберт, управляющий, выразительно зашуршал бумагами, которые держал в руках.

– Мы несем ответственность перед своими жильцами, госпожа Мартинели. Это же субаренда. Они сильно потратились, подготавливая квартиру к сдаче летом.

– Да, но я не понимаю, почему он должен был внести плату вперед за июнь и июль.

– Это обычное правило, госпожа Мартинели. – По тону Гумберта было ясно – на эту тему они уже беседовали, и не раз... – Мы всегда берем аванс за половину лета, к тому же если нет поручителей...

– Нет поручителей? У него было полно поручителей! – Граф поморщился – пронзительный голос госпожи Мартинели действовал ему на нервы. А она стрекотала дальше: – Чего ради он снял квартиру на июнь, если не собирался возвращаться сюда до июля? У моего мужа не было склероза – он знал, что едет в Тун, улаживать наследственные дела в Шпице.

Господин Гумберт опять зашуршал бумагами.

– Господину Мартинели нравилось думать, что ему есть куда вернуться в Берне. Город сейчас переполнен. Квартиру снять очень непросто.

– Вероятно, поэтому он и снял такую большую. Просто громадную!

– Именно этим она ему и приглянулось, госпожа Мартинели. Он говорил: чем больше квартира, тем прохладнее. Он приехал и оформил договор 28 мая, а потом, видимо, отправился в этот Шпиц. Мы не слышали о нем до 5 июля. Затем пришло письмо – вот оно.

Рассматривая письмо, Граф снова подумал о ведре для угля в доме старого Мартинели.

– Оно было написано третьего июля, – продолжал господин Гумберт. – В нем говорится, что господин Мартинели и его слуга собираются вернуться в Берн шестого числа, а потому нам следует подготовить квартиру. В нем еще сказано, что господин Мартинели задержался в Шпице из-за болезни. Мы открыли квартиру. Она оказалась в полном порядке. Белье и столовое серебро, оставленные нашими жильцами, были на месте. Мы проверили сохранность продуктов и приобрели необходимое, а также наняли уборщицу, правда, после приезда господина Мартинели все делал его слуга. Квартира находилась в образцовом состоянии. Мне очень жаль, госпожа Мартинели, что вы не хотите остаться здесь, пока не кончится срок аренды.

– Остаться здесь? У меня же билет в Женеву!

– А ваша племянница...

– Если моя племянница и останется, то не в такой большой квартире. Я искренне надеюсь, что вы приложите максимум усилий и сдадите ее на остальную часть лета!

– Мы немедленно известим вас об этом. Но только потребуются немного заплатить за объявление.

– Вот как? В данных обстоятельствах, я полагаю, вы могли бы взять эти расходы на себя! Кашлянув, господин Фогель пояснил, что нанимателям не всегда понятна суть субаренды.

– В особенности, – сухо возразила госпожа Мартинели, – если они не сами подписывали контракт.

– Естественно, – миролюбиво продолжал симпатичный господин Фогель – стройный, седой, ироничный и безумно вежливый – как и все банкиры на свете, – вас все это ужасно расстраивает, госпожа Мартинели. Вы чувствуете себя в окружении незнакомых людей. Но я все же осмелюсь предложить вам не волноваться и предоставить господину Гумберту самому решить эту проблему.

– Но мне не придется платить за квартиру до тех пор, пока не решатся дела с наследством, не так ли?

– Конечно.

– Тогда договорились. Господин Гумберт, закажите мне такси – пораньше. Перед тем как я сяду в поезд мне придется устроить где-то племянницу. И учтите – у нас два чемодана.

Воспрянувший духом управляющий – кажется, его, наконец, отпустили, – торопливо направился к двери. Но госпожа Мартинели остановила его, задав еще один вопрос.

– Господин Гумберт, я так понимаю, что этот Шмид вернулся в Шпиц?

– Он уехал в тот же вечер, когда господина Мартинели отправили в больницу, – подтвердил Гумберт, – в среду, двадцать первого... Кажется, ночным поездом до Туна. Как я уже говорил, он оставил все в абсолютном порядке.

– Но, ради бога, кто он, этот Шмид? Откуда он взялся? Я никогда о нем не слышала.

– Боюсь, мы знаем меньше вашего, – почтительно произнес господин Гумберт, – но господину Мартине-ли чрезвычайно повезло с этим человеком. Очень деловитый и расторопный. Ваш муж сэкономил на нем оплату двух или даже трех сиделок. Знаете, – добавил господин Гумберт с напускной скромностью, – очень большие деньги!

– На мой взгляд, ему и платили, как трем сиделкам.

– Он того стоил.

Гумберт удалился. Граф, с интересом наблюдавший за проявлением делового инстинкта госпожи Мартине-ли, вновь погрузился в размышления: какой же смысл скрывался в закончившейся неприглядной сцене – то ли госпожа Мартинели продемонстрировала, что именно кроется под ангельской внешностью, то ли это неудачная попытка преодолеть панический страх перед внешним миром? А может, ей все было известно и о Шмиде, и о болезни Мартинели, и о его смерти в полной изоляции? Она знала, но продолжала молчать? Все это очень походило на любительский спектакль, тем более, что по лицу примадонны невозможно было ничего узнать, а алчную натуру изобразить совсем несложно.

После ухода Гумберта госпожа Мартинели продолжила свое выступление:

– Я ничего не понимаю. Мой муж не любил писать письма. И в этот раз, уехав на восток, он написал мне одну коротенькую записку. Конечно, он не хотел тревожить меня. Но мне и в голову не приходило, что все так повернется. Когда он уезжал, он казался абсолютно здоровым. Я провожала его на поезд. Мы живем, знаете ли, не в Женеве, а в городке под названием Ла Рош... Как странно... Муж никогда подолгу не отсутствовал. И на его письме стоит Бернский штемпель от двадцать восьмого мая, а до Шпица он добрался лишь в середине июня. Так сказал его врач в больнице.

Господин Фогель выпрямил ноги, затем снова скрестил их.

– Мы должны делать скидку на то, что у него развивалась смертельная болезнь, госпожа Мартинели. Возможно, сняв эту квартиру, он внезапно почувствовал первые ее признаки и

решил съездить на курорт отдохнуть и лишь потом браться за дела в Шпице, – предположил банкир.

– Да, он всегда предпочитал заниматься делами по-своему. Он, кажется, считал, что проявляет ко мне максимум внимания, заплатив заранее по всем счетам и взяв с собой копию завещания. Он так поступал всегда и даже на пороге смерти не изменил себе. Но в результате я оказалась в крайне неприятном положении, а ведь мы с ним за всю жизнь никогда не ссорились!

Лицо Фогеля выражало сочувствие.

– Больной человек часто ведет себя необычно, госпожа Мартинели. Думаю, вы вправе объявить дома, что ваш супруг умер скоропостижно. Отчасти это соответствует действительности, отчасти смягчит ситуацию.

– Мне так и не рассказали, что произошло на самом деле, – раздраженно проговорила вдова. – Но я знаю, под чьим влиянием он находился! Ваше неожиданное появление с копией его завещания вернуло меня к нормальной жизни. Но ответьте мне вот на какой вопрос: копия ведь была нужна ему только в том случае, если он знал, что тяжело болен?

Заскучавший было Граф рискнул высказать предположение:

– Отправляясь в путешествие, некоторые люди принимают меры предосторожности. Теперь такой мерой стала страховка. Иногда даже забирают деньги по страховке и семье об этом не сообщают.

– Да какая, в самом деле, страховка! Зачем она нам. Когда Говард продал в 1908 году старое семейное предприятие... Как вовремя, я всегда это говорила... Он перевел половину денег на мое имя. С тех пор я независима, а по завещанию получу и остальное. У меня нет абсолютно никаких финансовых проблем. Мне только интересно знать, что случилось с этими двумя с половиной тысячами франков.

– Стоит ли волноваться? – заметил Граф. – У вас есть расписанные по пунктам счета на две тысячи шестьдесят с чем-то франков. Каковы были частные расходы господина Мартинели, мы не знаем, но, несомненно, счет доктора и жалованье Шмида выплачивались из этих двух с половиной тысяч.

Госпожа Мартинели нетерпеливо дернула плечиком и обратилась к Графу:

– А самое странное, господин Граф, состоит в том, что мой муж сказал всем этим людям и написал в больничной анкете, что у него в целом мире никого нет. Никого! За исключением парочки дальних родственников, которые живут, вроде, в Монтре... Да мы никогда их и не видели. Он не хотел меня пугать, не хотел, чтобы я приезжала в Берн и заботилась о нем, – ладно, бог с ним. Но вы только подумайте, каково мне теперь! К тому же он снял весь остаток своего счета в банке – четыре тысячи пятьсот шестьдесят семь франков – и заранее заплатил за все, даже за похороны. А две с половиной тысячи мы никак не можем найти. Не знаем, что с ними стало.

– Почему бы вам не съездить в Шпиц и не повидаться с Шмидом, госпожа Мартинели? – предложил Фогель. – Там наверняка нужно оплатить какие-нибудь счета. Он вам все объяснит.

Госпожа Мартинели очень спокойно возразила ему:

– В Шпиц я не поеду, господин Фогель. Я примчалась в Берн, потому что мне следовало закончить дела, начатые мужем. В Шпице его считали холостяком. Я не собираюсь давать соседям пищу для сплетен, не хочу, чтобы на меня глазели и чесали языки.

– Разумно, – вставил Граф.

– Я еду домой, – повторила госпожа Мартинели. – Я оставила в больнице все его вещи – кроме часов и запонок, конечно. Я не стану забирать даже его чемоданы из свиной кожи. Говорят, что его врач – хороший человек. Надеюсь, он еще и совестливый и не заломит большую цену. А вот Шмид, наверняка, мошенник и непременно скроется с двумя тысячами франков, которые доверил ему мой муж, – если, конечно, этот человек не располагает еще какой-

нибудь суммой! Может, мне, в конце концов, стоит позвонить этой Шафер и узнать ее мнение о Шмиде? Она вам что-нибудь говорила о нем, господин Граф?

– Она никогда его не видела.

– Наш служащий – господин Фелбер – встречался с ним, – подал голос банкир, – это случилось в тот день, когда господин Мартинели затребовал остаток денег из банка.

– Вот как?

– Да, мы послали Фелбера, потому что они виделись 28 мая – тогда господин Мартинели пришел, чтобы представиться, предъявить письмо и получить чековую книжку. Ваш муж показался мне просто очаровательным человеком, госпожа Мартинели.

– Он всегда производил прекрасное впечатление, – согласилась вдова пронзительным, но абсолютно бесстрастным голосом.

– Мы выдали ему чековую книжку – она сейчас в ваших руках, – продолжал Фогель, – и проинформировали, что открываем депозитный счет на пять тысяч франков. Мы приняли у него письмо из Женевы с его подписью и показали ему письмо, присланное нам. Больше я его не видел. – Банкир скорбно вздохнул. – Конечно, господин Мартинели снимал деньги со счета, чтобы заплатить задаток за квартиру. Но, видимо, уезжая из дома, из Ла Роша, он взял с собой какую-то сумму наличными, потому что он ни разу не приходил в банк и не получал деньги по чеку.

– Он всегда таскал с собой кучу денег, – подтвердила госпожа Мартинели.

– В следующий раз он связался с нами двадцать первого числа: позвонил и сказал, что нездоров. У нас сложилось впечатление, что речь идет о чем-то незначительном, вроде летней простуды. Господин Мартинели сказал, что передумал оставаться в городе и поедет домой.

Госпожа Мартинели не сводила с банкира взгляда.

– Фелбер договорился о встрече, – продолжал Фогель, – и отправился сюда после обеда. Он принес деньги в чемоданчике, специально предназначенном для транспортировки наличных. Вся сумма, по просьбе господина Мартинели, состояла из крупных купюр: по пятьдесят и сто франков. В квартиру Фелбера впустил Шмид. Я позже попросил его описать мне слугу господина Мартинели. Так вот, это высокий худощавый средних лет мужчина, типичный швейцарец из германоязычного кантона. – Фогель улыбнулся. – Фелбер отметил, что Шмид больше похож на крестьянина, чем на слугу. Загорелый, волосы требуют стрижки. Все время убирал их со лба – они падали на глаза. Еще он показался Фелберу несколько развязным, но он очень хорошо заботился о господине Мартинели, а тот, по всей видимости, очень ему доверял. Шмид достал чековую книжку господина Мартинели и устроил блокнот у него на коленях прямо в постели. Но Фелбер говорит, что ваш муж не показался ему не больным, скорее усталым.

– Возмутительно! – с негодованием воскликнула госпожа Мартинели.

– Видимо, этот Шмид неплохо знал свое дело – Фелбер обратил внимание, что все было в полном порядке: в квартире чисто, аккуратно, прохладно. Тогда тоже стояла жара – даже хуже, чем сейчас. Солнце палило, как в пустыне, а в воздухе висело душное марево, но господин Мартинели, казалось, чувствовал себя вполне комфортно. Он заполнил чек и вручил его Фелберу, а тот передал ему наличные. Господин Мартинели пересчитал их, и Шмид сунул их в ящик письменного стола. Фелбер ужаснулся такому обращению с деньгами и предложил воспользоваться сейфом внизу – обычно в таких домах есть сейфы. Но ваш муж рассмеялся и сказал, что наличные недолго пробудут у него.

Выражение лица госпожи Мартинели не изменилось – словно ей рассказывали о мало-знакомом человеке. По крайней мере, подумал Граф, она не притворяется расстроенной.

Фогель, видимо, заскучал и поторопился закончить свое эпическое повествование:

– Затем господин Мартинели сказал, что отправляет Шмида назад в Шпиц – поручает ему закрыть дом, оплатить счета и устроить распродажу имущества. Остальное вы знаете, госпожа Мартинели. Больница получила от вашего мужа две тысячи франков наличными. Там высчи-

тали свои расходы, а небольшой остаток и еще шестьдесят с чем-то франков, оказавшихся в кошельке вашего супруга, передали вам. Рискую показаться навязчивым, я еще раз повторяю – не тревожьтесь о двух с половиной тысячах. Наверняка, из этой суммы были сделаны выплаты доктору и Шмиду. Вряд ли вы сможете претендовать на какую-нибудь часть этих денег.

С чувством хорошо выполненного долга банкир поднялся, Граф и госпожа Мартинели тоже встали. Фогель взял свой портфель и шляпу. Госпожа Мартинели пожала ему руку.

– Я очень обязана вам. К сожалению, я не могу остаться и навести справки, потому что если я не уеду сегодня вечером, то смогу заказать обратный билет лишь через две недели. Но мне хотелось бы попросить господина Графа связаться с госпожой Шафер. Вдруг она знает что-нибудь об этом.

– Боюсь разочаровать вас, но она скорее всего не слышала, куда господин Мартинели вложил эти две с половиной тысячи, – вздохнул Граф.

Фогель удалился, сочувственно взглянув на Графа. Госпожа Мартинели нагнала банкира в дверях и вместе с ним вышла из комнаты. Когда она вернулась, ее сопровождала невысокая смуглая девушка. Та, должно быть, дожидалась в комнате прислуги рядом с кухней.

– Это моя сводная племянница, господин Граф, – произнесла госпожа Мартинели, – Люсет Дион.

Граф пожал руку госпоже Дион – симпатичной юной особе. Ее собранные в узел прекрасные темные волосы открывали безупречной формы шею, лучистые глаза невольно притягивали взгляд, а чуть тронутые коралловым румянцем щеки моментально вызывали ассоциацию с персиками. Конечно, с годами все это уйдет, но обаяние и бьющая через край жизненная сила останутся при этой женщине до глубокой старости.

Очевидно, Люсет пошел бы любой костюм – в том числе и подходящее черное одеяние, – но траура она не носила. Легкое ситцевое платье сидело на девушке как влитое, хотя купили его, видимо, по случаю. Похоже, это был ее лучший наряд. То же относилось и к коричневым туфлям-лодочкам, и к маленькой украшенной цветами шляпке, и к клетчатому жакету, который она зачем-то принесла с собой.

Госпожа Дион подняла на Графа печальное, серьезное лицо, и он так же серьезно взглянул на нее с высоты своего роста.

– Ты упаковала свой чемодан, Люсет? – сухо поинтересовалась госпожа Мартинели. – Я хочу выехать пораньше, чтобы устроить тебя в Христианской ассоциации, до того как сяду в поезд. Правда, может, господин Граф сумеет объяснить тебе, как глупо одинокой девушке оставаться в Берне. Подумать только, жить в городе, где еще три года назад с помпой принимали это немецкое чудовище, этого кайзера!

– Но, тетя Женевьева, я же говорила вам, что не собираюсь ночевать в Берне. Сегодня вечером я еду в Шпиц. У меня есть билет до Туна, – спокойно возразила девушка.

Госпожа Мартинели молча смотрела на нее.

– Я поеду на похороны дяди Говарда, – продолжала госпожа Дион. – Не могу поступить иначе – нужно, чтобы хоть кто-то проводил его в последний путь.

– Кажется, ты забываешь, что он, по всей видимости, именно этого и не хотел! – отчеканила госпожа Мартинели.

– Он просто очень не любил суеты. Ему хотелось, чтобы его оставили в покое. – Голос госпожи Дион предательски задрожал.

Граф подумал, что девушка очень нервничает, но прекрасно владеет собой. Госпожа Мартинели тоже превосходно контролировала свои эмоции, но ее отношение к сводной племяннице проявлялось в визгливых нотках и без того пронзительного голоса.

– Как будто у меня и без того мало забот!

– Пожалуйста, не беспокойтесь обо мне. Со мной все будет в порядке, – заверила Люсет.

– Ты задумала это еще в Женеве! Ты знала, что я не взяла бы тебя, если бы поняла, что ты собираешься остаться!

– Я могу вернуть вам деньги за билет, тетя Женевьева. Я в любом случае уехала бы.

– Твоих денег здесь надолго не хватит. – Госпожа Мартинели повернулась к Графу. – Вы когда-нибудь слышали подобные глупости, господин Граф? Чтобы девушка двадцати двух лет жила одна в Берне и зарабатывала себе на жизнь?

– Откровенно говоря, да, – улыбнулся Граф.

– Но у Люсет нет специальности!

– Я могу найти ей работу. Сейчас много вакансий.

– Ну да – сидеть за швейной машинкой! – отозвалась вдова. – А когда война закончится и эта кошмарная форма больше не понадобится, всех девчонок вышвырнут на панель. – Госпожа Мартинели повернулась к племяннице. – И тебе придется писать домой, выпрашивая денег на обратную дорогу!

– Но в Ла Роше вообще нет работы. Я больше не могу там оставаться.

Госпожа Мартинели смерила девушку презрительным взглядом, а затем вновь обратила внимание на Графа.

– Мне не следует задерживать вас, господин Граф, – холодно сказала она. – Вы не могли бы помочь мне связаться с госпожой Шафер?

Граф нахмурился.

– К ней можно разве что съездить... Я могу позвонить в местный полицейский участок и объяснить нашу проблему. А вы попросите господ служивых сходить за госпожой Шафер. Учитывая сложившиеся обстоятельства, они наверняка пойдут вам навстречу. Правда, придется подождать...

– Боже, какие сложности! Звоните, – распорядилась вдова.

Вся компания переместилась в прохладную спальню, где Граф проделал все, что и пообещал. Обменявшись парой фраз с неким полицейским, он передал трубку вдове и повернулся, собираясь уйти, но женщина жестом удержала его.

– Мне очень нужно поговорить с госпожой Шафер, – сказала она. – С Лидией Шафер... По делу... Вы не могли бы послать за ней... Что?!.. Ради бога... Когда?.. Нет, спасибо.

Госпожа Мартинели положила трубку, сердито взглянула на Графа и воскликнула:

– Эту Шафер убили! Она мертва!

Люсет Дион подошла к двери и внимательно посмотрела на обоих.

Глава 10

Дела сердечные

Для женщин определенного типа – а госпожа Мартинели явно относилась именно к нему – важно всегда и при любых обстоятельствах настаивать на собственной правоте, а при случае и лишний раз преподать моральный урок.

– Вот! – торжествующе воскликнула она. – Теперь ты видишь, Люсет! Эту Шафер ограбили и убили на пороге собственного дома. Теперь ты, наконец, поймешь, что юной девушке бродить по Берну небезопасно!

– Вряд ли в столице страны ежедневно кого-нибудь убивают! – возразила госпожа Дион. – Не правда ли, господин Граф?

– Если жить не в заброшенных кварталах, то даже встреча с карманником вам не грозит. Наверное, госпожа Шафер сняла квартиру в темном переулке... Очень неприятная новость, госпожа Мартинели.

– Еще бы! – Госпожа Мартинели, как трудолюбивый муравей, постоянно возвращалась к избранному пути. – Теперь я ничего не узнаю о Шпице и этом несуразном Шмиде.

Госпожа Дион, прислонясь к косяку двери, заговорила без всякого сочувствия:

– Я могла бы вам написать. Наверное, я увижу Шмида, если он будет на похоронах.

– Ты не знаешь, как с ним говорить и что спрашивать. – Госпожа Мартинели неторопливо вернулась в гостиную и опустилась на кушетку. Граф и госпожа Дион последовали ее примеру. – Да, очень странное совпадение, – произнесла вдова. – Просто судьба! Полицейский сказал, что содержательница меблированных комнат чрезвычайно расстроена – почти рыдает. И попросил меня представиться. Я тут же бросила трубку. Зачем? Мне совсем не хочется попасть в газеты. Ничего не понимаю в истории с этой Шафер, господин Граф. Мой муж хорошо знал ее? Как вышло, что они подружились?

– Они беседовали о литературе и прочих вещах, как это бывает. Знаете, госпожа Мартинели, он дал ей почитать книгу – книгу из вашей домашней библиотеки, судя по надписи – томик Шекспира.

– Так вот куда она делась! Я заметила пустое место на книжной полке сразу после отъезда мужа. Думала, что он читал книжку дома и бросил куда-нибудь. Мне и в голову не пришло, что он брал ее с собой. А где она сейчас?

– У меня. Госпожа Шафер оставила мне этот томик вчера вечером. Она пыталась связаться с вашим мужем, чтобы вернуть его.

Казалось, эта мысль Графа понравилась госпоже Мартинели.

– Господин Мартинели, как вы знаете, поспешно уехал из Шпица, потому что заболел. Он забыл о своей книге и, боюсь, о госпоже Шафер тоже.

– Неудивительно, – с удовлетворением произнесла госпожа Мартинели и тут же спохватилась. – Это книга из шеститомной серии, господин Граф. Возможно, если бы вы вернули ее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.